

На неведомых тропинках

ШАГ В ПУСТОТУ

АНЯ СОКОЛ

Мир стёжек

Аня Сокол

**На неведомых
тропинках. Шаг в пустоту**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Сокол А.

На неведомых тропинках. Шаг в пустоту / А. Сокол — «ЛитРес: Самиздат», 2016 — (Мир стёжек)

Попадая в другой мир, люди превращаются в магов и драконов, зачастую получают великие силы и великое самомнение. Никто не становится падальщиком, поедающим трупы. А может, об этом не принято рассказывать? Но я, Ольга Лесина, редко соблюдаю правила. Я расскажу вам о мире, где живут чудовища, и о том, насколько страшным может быть тот, чья жизнь дороже собственной. Содержит нецензурную брань.

© Сокол А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава 1. Лишенные разума	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Аня Сокол

На неведомых тропинках. Шаг в пустоту

Глава 1. Лишенные разума

Я в очередной раз ступила в круг и в очередной раз вернулась обратно. Когда в лицо пышет жаром невидимая печь, а горло перехватывает от потока раскаленного воздуха, хочешь – не хочешь, отступишь. Нахрапом преодолеть невидимую границу не выходило: чем больше усилий, тем горячее воздух и сильнее отдача. Инстинкты кричали о том, что надо не просто уходить, а убегать. Защитное заклинание целителя вдруг стало очень уж активно защитным, никого не пуская в дом, отражая твою силу, чем больше ты хотел войти, тем сильнее оно давало отпор.

– Что деется, ой, ой. – Бабка в который раз заломила руки.

– Ты можешь что-нибудь сделать? – рявкнула я, не обращая внимания на ее старания.

– Нет, – категорично ответил Ефим.

– Конечно, ты в семейные дела не вмешиваешься, я помню. – Слова были полны сарказма, я все еще злилась на него из-за Граниных и ничего не могла с собой поделать.

Хранитель растворился в воздухе. Глупо было вообще звать его, это я, скорее, от отчаяния и беспомощности.

Перед домом явиди никого, кроме нас с бабкой, не было. Собственно, и я бы спокойно лежала на диване с книгой, если бы Марья Николаевна, возвращаясь с ежедневного променада, не увидела, как Константин врывается в дом к «крокодилей роже» с криком: «Конец тебе, тварь!». За помощью бабка кинулась ко мне, конечно.

Я уже минут десять пыталась проникнуть за внезапно ставшие агрессивными защитные чары, оградившие приземистый белый домик невидимым раскаленным кругом. Бабка в качестве группы поддержки прекрасно заламывала руки. Соседи тактично расползлись по домам, предпочитая подслушивать семейную ссору с большого расстояния и с большим комфортом.

Я прошла чуть дальше и снова попыталась приблизиться к дому, в глубине души наивно надеясь, что именно здесь заклинание даст слабину. Два шага: один к черте, другой за нее – воздух раскалился, горло обожгло, не давая сделать вдох, и я отступила. Опять.

Раздался звон бьющегося стекла. И крик. Горький, яростный, обреченный. И, без сомнения, женский. Я бросилась туда. Осколки стекла острыми сосульками осыпались на увядающую траву.

– Ох, ты ж, мать божья, заступница небесная... – Бабка, не отставая, крестилась прямо на ходу.

– Не-е-ет! – Пронзительный крик Пашки улетел в хмурое осеннее небо, заставляя забыть об осторожности.

Я бросилась к двери. Раскаленный воздух встал непроходимой стеной, казалось, еще один крохотный шагок внутрь – и сварит заживо. Назад. Явидь уже не кричала, а выла так, что волосы на голове встали дыбом. Я рванулась снова. И даже не сразу поняла, что на этот раз меня ничто не держит. Магия исчезла, воздух сух и прохладен. Я взлетела на крыльцо и рывком распахнула дверь. Некогда думать о том, что я, в сущности, никто против целителя, букашка против титана – раздавит и не заметит. Иногда бывают моменты, когда не думаешь, а действуешь, как правило, они становятся лучшими или худшими эпизодами твоей жизни. Промелькнули стены, окна, двери, но я знала, где их искать, и бежала прямо туда. Я ввалилась в спальню с грацией и шумом гиппопотама. И тем иррациональнее оказалась картина, представшая перед глазами.

Грязи и объедков за прошедшие дни стало еще больше, не говоря уж о запахе, куче тряпья, раньше бывшей то ли одеждой, то ли постельным бельем, на полу, сломанных досках с осколками фарфора вместо столика с посудой. Ветерок колышет грязный обрывок занавески, которую или драли, или жевали. Сломанная спинка новой кровати, отчего матрас перекошило на одну сторону. На бывшем ложе любви сидели бывшие влюбленные, а ныне родители. Толстостенные осколки малахитового яйца валялись у их ног, а на руках, свившись тугими кольцами, поблескивая влажной черно-зеленой чешуей, лежала маленькая змейка с когтистыми ручками.

– Поздравляю, – невпопад вырвалось у меня между хриловатыми вдохами-выдохами.

Константин очумело поднял голову, явно недоумевая, откуда я взялась, левое веко мужчины конвульсивно подергивалось. Отчего-то зеленые глаза сфокусировались на моих руках, и я с удивлением поняла, что сжимаю в ладони рукоять охотничьего ножа, причем правильным прямым хватом. Николай Юрьевич был бы доволен, не зря он вбивает в меня движения, стараясь записать их на уровень рефлексов, до сегодняшнего дня я думала, что безуспешно, и на тебе, выхватила оружие подсознательно, сама того не заметив. Впрочем, момент, чтобы гордиться собой, неподходящий.

– Это змееныш. – Пашка, в отличие от черного целителя, была совершенно счастлива, хоть и невероятно грязна. – Дай ему имя! – потребовала она от вздрогнувшего Константина.

– Э-э-э...

Кажется, я впервые понимала черного целителя, мало того, даже симпатизировала и немного жалела.

– Путь будет Невер, – нашелся мужчина, – пусть никому и ничему не верит. Ты не против? Пашка счастливо засопела.

– Вас можно поздравить? – В комнату вошел Алексей.

Не таким я привыкла его видеть: не с горящими золотом зрачками, не с изящным, очень напоминающим завитушками хохломскую роспись, узором по коже, не с удивительными огненными крыльями за спиной.

– Как глава рода нелюдей Юкова приветствую нового сородича, нового явидя. – Он склонился к змеенышу. – Заставь нас тобой гордиться!

– Он заставит, – кивнула Пашка.

– Ты уже выбрала «радного¹»? – спросил феникс.

– Ну-у-у, – протянула явидь, взгляд медных глаз с двойным зрачком обежал нашу живописную группу, миновал молчаливого и задумчивого «счастливого отца», ожидающего ответа нелюдя, и остановился на мне, вернее, на сверкающем лезвии, которое я убирала в ножны. – Ольга, окажешь нам честь?

– Э-э-э-э, – настал мой черед выдавливать из себя неопределенные звуки.

– Конечно, окажет, – весело ответил Алексей, – она же знает, что отказ – это оскорбление рода, которое не смыть и кровью.

– С-с-согласна. – Я так поторопилась с ответом, что начала заикаться.

– Вот и славно, – феникс обнял меня за плечи и потянул к выходу, – еще раз поздравляю.

Новоиспеченные родители по-прежнему смотрели на маленькое чешуйчатое существо у них на руках, причем, выражение лица черного целителя я описать не берусь.

У входной двери топталась бабка, любопытство вот-вот должно было пересилить страх.

– Живые? – спросила Марья Николаевна, стараясь разглядеть хоть что-то за нашими спинами.

– Да. – Алексей вывел меня на крыльцо и закрыл дверь к ее вящему разочарованию.

¹ Радный, радная – от слова «радеть», аналог христианских крестных у нечисти, дословно «тот, кто будет радеть за ребенка».

От хорошего настроения нелюдя не осталось и следа. Глаза погасли, рисунок поблек и растворился в коже, от крыльев стали отпадать тонкие перья-всполохи и сгорать прямо в воздухе.

– Как пить дать, ангел божий, – высказалась Марья Николаевна и поклонилась в пояс.

– Допускаю, что вы не знали, потому как эти сведения не афишируются, но на будущее, во избежание сегодняшних волнений знайте, – Алексей поднял указательный палец, становясь похожим на строгого учителя, и класс в моем и бабкином лице внимал ему с неослабевающим вниманием, – детеныш у рода нелюдей вылупится, только если его яйцо разобьет отец, да не просто разобьет, а стукнет со всей силы, желая убить, выплескивая всю накопившуюся на его мать злость.

– Так она специально его доставала? – изумилась я.

– Конечно. Иначе зачем ей колдуна до ручки доводить, жизнью рисковать? – Он пожал плечами, будто мы не понимали очевидного. – Терпеливый мужик Константин, не ожидал даже, еще неделю назад змееныша ждали. Я помню, своего первенца наоборот дня на три раньше срока кокнул, не утерпел, молодой был, дурной. Со вторым будет сложнее, когда уже знаешь, чего от тебя ждут, и разозлиться как следует не получается, а без этого, без искреннего желания «чтоб этому яйцу провалиться» ничего не выйдет. Скорлупа прочнее камня, и расколоть ее может лишь чистая ненависть самого близкого существа, того, кто дал тебе жизнь. – Алексей поджал губы, посмотрел куда-то вдаль и, больше не сказав ни слова, спустился с крыльца, поднял воротник и пошел вниз по улице.

Мы с бабушкой смотрели ему вслед с большой печалью. Не знаю, как она, а я чувствовала себя не очень хорошо.

Мы вышли из села ранним утром, два дня спустя, когда по ночам землю уже сковывало первыми заморозками. Пашка несла Невера в специальном рюкзаке за спиной. Большую часть дороги змееныш спал, однажды я поймала на себе внимательный взгляд светло-зеленых, как у целителя, глаз. Больше старалась не смотреть, хотя и понимала, как это глупо.

– Насколько сильно мне придется «радеть» за ребенка? – задала я мучавший меня вопрос.

– Сильно! – весело ответила Пашка. – Стать второй матерью. – Наверное, я побледнела, потому как она, засмеявшись, добавила: – Низшие! Твоя трусость когда-нибудь меня доконает. Поддержать ребенка на руках десять минут на посвящении ты в состоянии?

– Ну... наверное.

– Слава низшим! Да не дергайся ты так, это моральные обязательства. А у нас, как ты знаешь, с этим туго. То, что не прописано кровью, выполнять необязательно. Из тебя получится отличная «радная», не в свое дело не полезешь, и я смогу делать с Невером, что моей душеньке угодно.

Почему-то ее слова заставили меня поежиться и бросить виноватый взгляд на змееныша.

Мы сошли с грунтовой дороги и остановились. По правую руку от стежки тянулся замечательный пустырь, как нельзя лучше подходящий нашим планам, вернее, это сейчас, в начале зимы, тут была голая жесткая земля, изредка покрытая бородавками грязно-бурой травы. Летом же и весной это был красивый и обширный луг с сочной травой, а за ним озеро, дающее этой земле влагу. В сущности, большинство наших именно отсюда шагало в *filii de terra*, места для выписывания спиралей много, и от Юкова в двух шагах. Это я не любитель простых путей, а остальные усложнять не любят.

– Что стало с желанием располосовать кое-кому в *filii de terra* морду? – поинтересовалась я, наблюдая, как змея пошла на первый круг. – Оно исчезло?

– Сама в это не верю, но да, – явидь усмехнулась, – в свое время он не захотел, чтобы я откладывала яйцо. Вот пусть теперь смотрит и завидует, а честь располосовать ему харю я, так и быть, уступлю кому-нибудь другому. Земля детей меня впустит, не волнуйся.

– Тебе виднее, – выдохнула я и пошла следом.

Визит сулил заманчивые перспективы, и лишаться такого шанса, потому что Пашка чего-то там не учла, мне категорически не хотелось. Глупо было бы не использовать прекрасный, а, главное, совершенно законный повод повидать дочь. Радные обязаны присутствовать на посвящении детеныша высшим и низшим силам.

Земля детей встретила нас летним солнцем, легким ветерком и умиротворяющим шумом зеленых крон берез и лип. Я стянула куртку, оставшись в джинсах и хлопковой футболке, задрала голову, подставляя лицо теплым лучам. Из поздней осени в вечное лето, где деревья сбрасывают чуть побледневшую листву для того, чтобы тут же отрастить новую, где дожди редки и приятны, где земля дает урожай круглый год, где живут наши дети. Путь в *filii de terra* открылся нам уже на втором витке, возможно, тут сыграло свою роль присутствие Невера.

Корпуса начинались сразу же за узкой лесополосой, сквозь которую были видны крыши, заваленные цветными пятнами листвы, как старое одеяло лоскутными заплатками. Детский смех и перекличка птиц. Шумные компании хоть и поглядывали на нас, но без агрессии, скорее, с любопытством. Вот справа у деревянного корпуса-барака трое малышей старательно отворачивают лица, чтобы мы ни в коей мере не поняли, насколько им интересны чужаки. Я же, наоборот, вглядывалась в каждое, сердце замирало, стоило заметить в той или иной компании светловолосую голову, и каждый раз разочарование острым лезвием проходило по натянутым, как струны, нервам. Опять не она.

Пашка знала, куда шла. Три домика в ряд и гигантское пятно голой земли за ними. Нас там ждали. Этим утром круг еще больше напоминал площадку для проведения пионерской линейки, может, все дело в толпе народа, выстроившейся ровным полукругом с противоположной стороны. Дети и взрослые, ученики, воспитатели и наставники. Некоторые так же как, и явись, держали на руках разномастные свертки, качали коляски, поправляли переноски на животах и спинах. Из распашонок и ползунков высывались пугающе милые ручки с еще более пугающими когтями, некоторые поднимали головы и шевелили кисточками на кончиках ушей, кто-то плакал, демонстрируя миру острые клыки и раздвоенные языки.

Пашка встала с правого края, на ходу кивнув знакомым и получив в ответ такие же вежливые кивки и пару-тройку приветствий. Ровный шум тихих разговоров, искоса брошенные взгляды, натянутые улыбки.

Накануне я просмотрела тот куций отрывок официальной информации, что выложен в открытую сеть. Вкратце: посвящение высшим и низшим – это своеобразный аналог крестин, когда ребенка посвящают силам или богам, как у людей. Посвящение проводится три раза в год в трех знаковых для нечисти местах: в замке хозяина, в нашем случае Серой цитадели, в *filii de terra* и в месте, где пробился самый последний, самый свежий и чистый родник. Последнее хоть не часто, но менялось. Вода была переменчива, как ветер, могла выйти в мир в любом месте и на любой срок, а через пару сезонов по прихоти высших и низших исчезнуть. На данный момент таким местом в Северных пределах был Заячий холм, там как раз и планировалось следующее посвящение, месяца через три. Нас же ждала менее пафосная, в отличие от проводимой в Серой цитадели, но более традиционная церемония на земле детей. Что ж, мы не гордые, посвящение в самом безопасном краю вечного лета среди детских голосов и легкого смеха меня более чем устраивала, судя по улыбке змеи, ее тоже.

Переминаясь с ноги на ногу, я не сразу заметила, что шум стал стихать, что лица окружающих приобрели то излишне торжественное выражение, так свойственное излишне официальным мероприятиям. Не знаю, по каким признакам ориентировались остальные, а для меня посвящение началось с легкого дискомфорта, беспокойства, которому даже не сразу нашлось определение.

Что-то надвигалось. Нет, не дрожала земля, не мерк свет, не нарастали звуки, но вместе с тем каждый, кто стоял сейчас рядом со мной у пятачка голой земли, знал, оно идет. Но спроси,

что «оно», я бы не смогла внятно ответить. Было тягучее чувство надвигающегося «нечто». Так истончается мир, а там, где он тонок, связь с теми, кто создал его, с теми, кого мы привыкли называть высшими и низшими, наиболее сильна. Связь как напоминание, что те, кому под силу уничтожить всех и вся, ушли и пока не собираются возвращаться, за что им честь и хвала.

Все замерли. Круг ровной земли, на котором не росло ни одной травинки, с сухим звуком треснул, словно ветку разломали надвое. Голую землю расчертило разломами. Не хаотичными трещинами, что появляются на обезвоженной почве, а прямыми четкими полосками от одной стороны круга до другой. Много линий, будто прочерченных острой палкой. На первый взгляд, линии появлялись как попало, наезжая друг на друга и без порядка и цели. Мне они напоминали лист с выкройками из журнала по шитью, когда линии разной толщины сплетаются в хаотичную паутину, запертые на ограниченном пространстве тонкого куска бумаги. Но стоило присмотреться, и становилось понятно: по-другому они не могли быть начерчены. Логика была, пусть и не явная, а эфемерная, как привкус чего-то смутно знакомого, когда кажется, еще минута – и все станет ясно.

Треск стих, и в центре переплетающихся линий появилась невысокая хрупкая фигурка с распущенными темно-каштановыми волосами в смутно знакомом свитере крупной вязки и джинсах с ультрамодными дырами в районе коленей. В краю вечного лета появилась та, кому не жарко даже в самый знойный день, как не холодно Ефиму в кителе и фуражке даже в самый сильный мороз.

Мила улыбнулась, браслеты на ее запястьях горели вычурной инописью. Пусть мне говорят, что хотят, о природе хранителей, об их замирании на границе жизни и смерти, я видела в изгибе губ молодой девушки обычную неуверенность и тщательно скрываемый страх.

– Первое посвящение хранительницы, – шепнула явидь, расстегивая рюкзак и вынимая из него Невера.

Мила вытянула ладони в нашу сторону, жест, характерный для фокусников, желающих показать зрителям, что не имеют туза в рукаве.

– Радные! – Голос у девушки был тонким и совсем не подходящим к торжественному моменту.

Я замешкалась, смутно представляя, что от меня требуется, а Пашка уже сунула мне в руки кряхтящий шевелящийся сверток и пихнула локтем так, что поневоле пришлось выйти вперед. Вместе со мной в переплетение линий ступило полтора десятка человек, над расчерченной землей летел надрывной плач, кто-то из посвящаемых был не в восторге от происходящего.

Руки хранительницы взметнулись, голова откинулась. Девушка замерла в этой странной вызывающей позе и запела. Это не было похоже ни на речитатив заклинания, ни на задушевность заговора. Не крик, не стон, не смех, а все вместе. Зов, звучавший, как музыка. Тонкий молодой голос звал ушедших высших и низших, умолял и подкупал, каждый, кто это слышал, был готов идти за ним на край света и дальше. Пронзительная, трогаящая за самое сердце песня души, на которую невозможно не откликнуться. И они откликнулись. Хвала им же, не сами. Лишь их тени, лишь напоминание о былом величии.

Линии загорелись, отвечая на свет ее браслетов. Сотни маленьких лучиков пробивались из-под земли, подсвечивая разломы изнутри. Некстати пришла мысль, что все это здорово напоминает дискотеку – танцпол, светомызыка и излишне креативный диджей. Змеенышу тоже понравилось. Тяжелый и твердый сверток зашевелился, тонкий чешуйчатый хвостик, получив свободу, пару раз качнулся из стороны в сторону и вдруг, изогнувшись, ухватил меня за запястье. Чешуя была такой холодной, что я вздрогнула. Край пеленки сместился, и на меня уставились большие ромбовидные глаза. Я держала сверток на вытянутых руках, и любой, посмотревший на меня со стороны, сказал бы, что я делаю это впервые в жизни, до того нелов-

кими и неуверенными были движения. Это было не совсем так. Я не могла позволить себе близость с этим ребенком. Это был нелюдь, пусть и маленький.

Песнь хранительницы оборвалась на высокой, улетевшей в солнечное небо ноте. Все замерло. Свет, пробивавшийся сквозь линии, потух. Тишина обухом ударила по ушам, и даже тот, категорически не согласный посвящаться, малыш умолк. Внутри задрожала струна, очень знакомое ощущение, похоже, мы ступили на переход. Но в этот раз все было наоборот: Мила своей песней пригласила сюда часть чужого мира, и безвременье стало изливаться из трещин под нашими ногами. Туман полностью скрыл ступни. Из его белого месива вставали тени, косые, гротескно-уродливые, низкорослые. Они ничего не делали: не шевелились, не рвались к человеческим фигуркам, очертания которых расплывались. Тени выстроились, как и мы, ровным полукругом напротив хранительницы.

Дыхание сбилось, я и сама не заметила, как инстинктивно подняла Невера повыше, на всякий случай. Гортанный крик, та Мила, которую я, пусть и недолго, знала, не могла исторгнуть из себя такой звук. Другое дело хранительница *filii de terra*. Получив команду, тени подняли подобие рук к небу. Девушка сжала кулаки, потрясая ими в воздухе. Тени удлинились, будто солнце в одночасье решило упасть за горизонт. И перестали быть теньями, эфемерными и неосязаемыми. Сила высших и низших наполнила темноту, из которой они сотканы. Грозная сила.

Руки ближайшей, похожие на садовые цапки, качнулись в сторону змееныша и задели меня. Зов безвременья тут же ввинтился в голову острым шипом, вызывая желание бросить все и бежать в спасительную темноту. Тень-лапа поднялась выше – к удивленной чешуйчатой мордашке. Я в панике оглянулась. Справа женщина лет пятидесяти, или то, что выглядит, как женщина лет пятидесяти, эдакая гранд-дама, смело протянула розовый сверток вперед, из вороха одеял торчал русский хохолок. Изогнутая тень тут же вцепилась в светлую макушку кривыми пародиями на руки с такой силой, будто была не призраком в нашем мире, а жила, чувствовала, нуждалась, была материальна. Ребенок закричал, так пронзительно и горько, как умеют дети в искренней обиде на страшный, причиняющий боль мир. Первый крик, прозвучавший, как сигнал, следом зашелся в плаче второй малыш и третий. Молодой мужчина чуть дальше нетерпеливо встряхнул ребенка в сиреневых ползунках и, когда тот испуганно клацнул зубами, сунул в загребущие руки ближайшей тени.

Я посмотрела на Невера, он ответил мне не менее испуганным взглядом и громко икнул. Да, он монстр, но пока еще никого не съевший и не укусивший, по сравнению с моей Алиской, чист и невинен. Я притянула извивающийся сверток к себе и отступила.

– Ольга. – Сквозь коллективный плач донесся голос Пашки, и тон был отнюдь не одобрительный.

Я понимала, что делаю все неправильно, но отдать своими руками ребенка безвременью у меня не было сил.

По спине пополз холод. Я обернулась, еще одна тень, уже с другой стороны, вытянула крючья–пальцы. Из каждой линии вырастало сразу несколько теней. Они то удлинялись, то съеживались, трепетали и двигались, напоминая водоросли в толще воды. Плюс в том, что полностью покинуть трещину в земле они не могли или не хотели.

Остальные малыши благополучно закатывали истерики в когтях теней.

Я знала, что все в круге и за его пределами смотрят на меня, недоумевают. Осуждают и злорадствуют.

– Не дури! – Снова Пашка. – Нужно закончить посвящение.

Вот и прекрасно, пусть заканчивают. Я знаю, что делает с рассудком безвременье, не считая, что недавно родившийся, вернее, вылупившийся ребенок тоже должен это почувствовать. То ли дело у людей, побрызгал водой, поцеловал пару картинок, надел амулет-крестик – и все!

Я поймала на себе взгляд хранительницы. Краткий миг узнавания. Я демонстративно прижала к себе Невера. Недвусмысленный жест. Мила закрыла глаза, лицо девушки застыло резкими угловатыми чертами. Она приняла решение. Я тоже. Руки с маленькими ладошками, еще недавно так же прижимавшие к себе Игоря, как я змееныша, вытянулись в мою сторону в указующем, приказывающем жесте. Браслеты сменили цвет с красного на белый. И вместе с ней это движение повторили все тени, все, которым не досталось детей. Их было больше посвящаемых, на наши души пришлось сразу более десятка. За что такая честь?

Выходцы из безвременья все еще оставались в трещинах, пребывая в своем мире, они вытягивались в нашем, удлинялись, чтобы добраться до цели, на которую указывала Мила. Все было очевидно, впереди плотным строем стояли тени, позади, вне круга, люди и нелюди, деваться нам некуда. Я смогла на мгновение отсрочить неизбежное. Развернувшись, закрыла ребенка, пусть сначала сцапают меня. Кто его знает, может, им и этого хватит. Глупая надежда, я знала, что не хватит, но не надеяться не могла. Кривые пальцы прошли через мою спину. Насквозь. И вцепились в змееныша. Два приза по цене одного. Невер закричал. От боли в его голосе мне захотелось сжаться в комок, я чувствовала его страх, отчаяние. Сверток задрожал. Хвостик сдавил запястье.

Дети вошли в безвременье, и я вместе с ними.

Песнь на грани слышимости оборвалась. Высшие и Низшие через свои тени пришли в наш мир. И взяли то, что им предлагали. И отступили, растворяясь в ставшем нестерпимо ярком солнце, разгоняющем туман и возвращающем миру четкость и краски. На этот раз тишина была живой, с шелестом ветра в листве, отдаленными голосами и шорохом шагов.

Я выпрямилась. Невер еще всхлипывал, на темной чешуе личика застывали крупные, как горошины, капли слез. Линии под ногами остались, но они больше не соединяли миры. Я провела ботинком по ближайшей, стирая ее, обычный рисунок на земле. Все кончилось. Мы в *filii de terra*. И мы живы.

Последнее вряд ли надолго, так как явидь, подскочив ко мне, одной рукой забрала ребенка, другой же вцепилась в волосы и дернула так, что у меня в глазах потемнело.

– Ты что творишь? – зашипела она, лицо покрывалось чешуей, явидь скидывала человеческий облик.

– Пусти! Больно!

– Должно быть больно, за такое этого еще мало. – Пашка притянула меня вплотную к лицу, вернее, морде. – Ты же видела, что делают остальные? Видела! Ты же не слепая! Что, так трудно повторить? Скажи? – Рука дернулась, под чешуйчатой кожей перекачивались мускулы.

И все-таки она сдержалась, на мгновенье закрыв глаза и издав короткий рык, к моему облегчению, разжала пальцы.

– Веселое у вас посвящение. – Я пошатнулась и потеряла затылок.

– Хватит паясничать! – рявкнула явидь. – Хватит отделять себя от остальных. Сегодня из-за твоей гордыни и своеволия Неверу могли отказать в посвящении. После этого детей в колыбелях душат. Слышишь? Если ты не изменишься, однажды, клянусь, я выну твое сердце, даже если мне потом придется пожалеть об этом. Хватит жить по своим никому не нужным принципам! Пора решать, с нами ты или нет.

Помнится, где-то я уже подобное слышала, с меньшей экспрессивностью и большей убедительностью. Прервал ее змееныш, тот, от кого меньше всего этого ожидали. Невер повернул темную голову, мигнул большими светло-зелеными глазами, протянул руку ко мне и громко фыркнул. Пашка дернулась. Змееныш тянулся уже двумя руками. Улыбка, бесценная первая радость, освещала забавную мордочку.

– Что? – охнула Пашка. – Что ты с ним сделала? – Голос сорвался на визг.

– Она стала «радной», – ответила появившаяся рядом хранительница. – Вместо того, чтобы отдать ребенка, она защищала его, закрыла его собой, *радела* за него. У нас здесь насто-

ящее посвящение, настоящий посвященный и настоящая «радная», впервые за много лет. В первую же мою церемонию. Спасибо, – девушка повернулась ко мне, ее глаза смеялись, – за все спасибо.

– Не за что.

Невер продолжал протягивать лапки, и у меня руки чесались взять его. От недавней отчужденности и недоверия к этому созданию не хотелось даже вспоминать. Ребенок как ребенок, посимпатичнее многих в нашей тили-мили-тряндии.

– Что значит, настоящее посвящение? – явидь рыкнула, но на Милу это не произвело ни малейшего впечатления. – А остальные чем тут занимались?

– Спроси у них. – Хранительница встряхнула головой, и блестящие волосы рассыпались по плечам. – Пришли, сунули детей низшим и довольны. От этого никому не горячо не холодно, лишь детям расстройство. Посвятить – значит познать. Посмотри на сына, он знает ее. У них с Ольгой нет ни грамма общей крови, но им никогда не понадобится амулет матери. Он посвященный, она радная, они знают друг друга. У тебя есть человек, которому ты безбоязненно можешь доверить жизнь сына. Это и есть посвящение, подарок вам от ушедших высших.

– Нет, – замотала головой Пашка, – невозможно! Об этом бы знали.

Я не удержалась и дотронулась до вытянутой ручки, в глаза сразу бросился наливающийся чернотой синяк, опоясывающий запястье. Невер весело фыркнул.

– Нет, – хранительница махнула рукой, – нас даже не слышат.

Мы оглянулись. Разговоры, смех, пусть местами и натянутый, кто-то рычал, кто-то качал ребенка, кто-то переходил от одной семьи к другой. Пустующий еще недавно круг был полон нечисти, но ни один из них не обращал на нас внимания. Ни косых взглядов и шепотков, как можно было ожидать после случившегося. Мы были невидимками в толпе.

– И вы никому не скажете, – Мила коснулась наших губ кончиками пальцев, и я почувствовала легкое покалывание, – не сможете. Таинство посвящения остается таинством. Для остальных красивым и, возможно, значимым ритуалом.

Пашка хотела еще о чем-то спросить, но нас прервали, да так, что к этому разговору мы больше не вернулись.

Из зеленой зоны за нашими спинами раздался тонкий крик. Детский голос, полный боли и ужаса, потому как издать такой звук, если тебя не режут на части, вряд ли у кого получится. Хранительница побледнела и тут же растаяла в воздухе.

– В *filii de terra* дети в безопасности, – нахмурилась Пашка, лицо которой светлело, чешуйки растворялись, уступая место ровной коже, разногласия были забыты, хотя голосу явиди недоставало уверенности.

Не успела она договорить, а я уже побежала к зеленой полосе разномастных деревьев. В голове билась одна мысль – я так и не нашла Алису.

Полоса смешанного леса в *filii de terra* представляла собой нечто среднее между дикими зарослями и парком. Ухоженные дорожки и хаотично растущие деревья, скошенная трава и заросли лебеды у забора, красиво оформленные клумбы на фоне ядовитого болиголова.

Дорожка с готовностью легла мне под ноги, грозя вскоре увести меня с земли детей. Еще несколько гостей острова безопасности последовали моему примеру. Волнение было на лицах далеко не у всех, чаще предвкушение. Это значило одно – где-то рядом пролилась кровь.

Я миновала первый ряд деревьев, перелесок, состоящий, в основном, из кустов и тонких неокрепших березок, и остановилась на краю прогалины. Большинство любопытных не сразу понимали, не обманывают ли их органы чувств, потому что случилось невозможное. На узкой тропе лежал мальчик лет восьми, яркие медные волосы, веснушки на круглом лице, обрезанные до шорт линялые голубые джинсы, широкая футболка, черные кеды с белыми шнурками на босу ногу. И поверх всего этого кровь, много крови. Глаза закрыты, дыхание громкое и судорожное. Но пацан дышал, несмотря на рваные раны, начинающиеся сразу под ключицей

с правой стороны и спускающиеся к паху. Я не врач, но и без него видно – дело плохо, живот превратился в кровавое месиво.

Один из прибежавших раньше нас старался оказать раненому помощь, даже если она заключалась в беглом осмотре и хлестком, как удар, приказе:

– Целителя! Живо!

Стоящий ближе всех мужчина с пивным животом и руками с тонкими иглами ногтей плотоядно облизнулся, сглотнул, но, к моему облегчению, быстрым шагом направился к корпусам. Тем временем с пальцев склонившегося сорвался рой блестящих искорок, окутавших раненого. Он применил магию. Края раны засеребрились, поток крови, вытекавшей вялыми толчками, остановился.

– Что там, Угрим? – спросил звонкий голос, мгновенно наполняя меня облегчением, тут же сменившимся мучительной радостью.

На прогалину вышла Алиска. Уловив мое состояние, она подняла голову и весело подмигнула. Мне очень хотелось обнять хрупкую фигурку, но я смогла сдержаться, помня, как может истолковать такое проявление чувств нечисть. Только как слабость.

Мужчина поднялся, отряхивая колени, его место тут же заняла миловидная девушка, по виду немногим старше моей дочери.

– Должен выжить. – Он оглядел прогалину.

Я встретила глазами с ледяным наставником моей дочери, и он предпочел не узнать меня.

– Как интересно, – протянула подошедшая к нам Пашка, Невер сидел в рюкзаке за ее спиной и, судя по слипающимся глазкам, собирался как следует поспать. По лицу явиди поползла цепочка чешуек. – Ты еще жив, Угрим? Какая досада.

– Твоей милостью, Прасковья, – невозмутимо ответил мужчина.

Явидь зарычала, ногти стали темнеть и удлиняться, похоже, подруга переоценила свою силу воли, ходить наставнику Алисы с распаханной физиономией, здесь не замок Седого, где гостям запрещено проливать кровь друг друга.

Еще один вскрик, скорее, азартный, нежели просящий о помощи. Все, стоящие на просеке, повернули головы, что-то происходило дальше по тропинке за раскидистым кустом. Алиса не стала медлить, первой бросившись туда. Вот они – молодость и бесстрашие.

– Алисия, – зашипел Угрим.

Она не обратила на него никакого внимания. Мужчина раздраженно дернул головой. Я сорвалась с места вслед за дочерью раньше него, не тратя времени на слова. Станные у них отношения, не похожие на вертикаль учитель – ученик. Она зовет его по имени, игнорирует замечания. Здесь скорее хозяйка и слуга.

За кустом тропа изгибалась, поворачивая в сердце *filii de terra*, окольцовывая остров детей по кругу. Пробежаться пришлось не так уж и близко, минут пять–семь, прежде чем в листве мелькнул знакомый красный свитер хранительницы. Я услышала голоса, возню и странное приглушенное рычание.

Мы были не единственными любопытствующими, кое-кто успел раньше, мало того, с другой стороны, переминаясь с ноги на ногу, шушукалась группа учеников. Не надо быть нечистой, чтобы уловить их нетерпеливое опасливое любопытство. Посмотреть было на что. Мила и еще один мужчина с оранжевой нашивкой опасности на черном рукаве рубашки прижимали к траве третьего. Тот угрожающе рычал, но вырваться из хватки хранительницы не мог. Пленник был абсолютно наг, одна из рук превращена в лапу с загнутыми крючьями когтей, на которых подсыхали бурые пятна. Именно ее и удерживал Милин помощник.

Насколько я знаю, несколько нечистых семей обязаны носить предупреждающий об опасности знак – яркий прямоугольник, в местах, где запрещено насилие, вроде земли детей или замка хозяина. Метка предупреждала: ее носитель опасен сам по себе, одним присутствием,

независимо от его желания причинять вред. Навскидку могу назвать парочку родов – подвии и злыдни. Первые, не шевельнув и пальцем, подтолкнут тебя к поступку, но совершишь ты его сам, будь то подлость или подвиг, расхлебывать, соответственно, тоже будешь сам. В присутствии вторых удачи не жди, подавиться куском пирога или споткнуться на ровном месте самые невинные последствия такого знакомства.

На лице пленника не было страха, была злость на тех, кто лишил его свободы. С губ не сорвалось ни одного слова, ни одно ругательства или проклятия. Только рычание, так ведет себя собака, попавшаяся службе отлова.

Угрим, не мешкая, взмахнул рукой, и удерживаемый окутался белесой дымкой изморози, навеки застывая ледяной статуей.

– Черт, – простонал меченый мужчина, отдергивая руки от замерзающей лапы с когтями.

Он был молод, черноволос, с широкими скулами и раскосыми азиатскими глазами.

– Можете не благодарить. – Голос Угрима был холоден, как и его магия.

– Благодарить? – Хранительница обернулась, и от огня ее глаз отступили все. – Это лишенный разума, и мы взяли его живым, а ты...

– Он напал на ученика, его в любом случае ждала смерть, – не принял упрека наставник.

– Он оружие, – рявкнул черноволосый. – Родителям мальчика будет интересно, кто и по какой причине лишил нас шанса выйти на виновного.

Разгорающийся скандал нравился зрителям, которых с каждой минутой прибавлялось, ничуть не меньше, чем поимка голого человека. Дети постарше отважились подойти ближе, тихонько подавая какие-то знаки Алисе. Любопытство, жадное и неприкрытое, висело в воздухе. Лишь несколько лиц выражали сочувствие, а одно – страх. Карие глаза из-под русой челки испуганно смотрели на застывшего подо льдом пленника. Мальчишка, на вид немного старше раненого, очень уж старался не привлекать внимания, выглядывая из-за широкого ствола дальнего дерева. Как водится у нечисти, достиг он прямо противоположного эффекта: то одна, то другая голова, уловив эмоции, поворачивалась в его сторону. Правда, потом все взгляды все равно возвращались к нам, мало ли чего боится мелкий, да хотя бы того, что его застукают в неположенном месте. И я бы так решила, если бы парнишка не казался мне смутно знакомым. Тот же испуг был на его лице в первый мой визит в *fili de terra*. Первый встреченный мной тогда ребенок.

– Я убил убийцу, – стоял на своем Угрим.

– Его бы допросили, и кто знает?..

Я отвлеклась на минуту, а когда опять посмотрела на толстый ствол, наткнулась на полное ярости лицо. Тут уж обошлось без гаданий, пацан исчез, на его месте стоял мой сосед. Что здесь забыл Веник – вопрос любопытный, но не настолько актуальный, а уж причин злиться на меня наберется воз и маленькая тележка. Удивляло другое: столь открытое проявление чувств было не свойственно осторожному падальщику.

– Допросили? Лишенного разума? – В голосе Угрима прорезалась ирония. – Я сэкономил всем время, звери не разговаривают.

– Поэтому и убил, – помощник хранительницы встал напротив учителя, – чтобы отрубить все концы? Допросы бывают разные.

Разговор явно выходил за рамки словесной перепалки.

– Адаш, ты смеешь обвинять меня? – Угрим прищурился и шагнул к черноволосому. – Ты – ходячее несчастье², если уж кого и обвинят, то не меня.

Значит, все-таки злыдень, отметила я, невольно делая шаг назад и немного стыдясь этого.

² Ходячее несчастье – одно из прозвищ представителей рода злыдней, наравне как и «лишающие удачи», «приносящие беды» и т. д.

– Вырви ему горло, Адаш! – азартно выкрикнула Пашка, и несколько человек в собирающейся толпе ее поддержали.

– Благодарю за поддержку! – сдержанно прокомментировал выпад бывшей подружки ледяной наставник. – На тебя, Прасковья, всегда можно было положиться.

Все были на взводе. Мужчины сцепились бы, это было вопросом времени. Все шло к хорошей драке. И она произошла. Но главные действующие лица удивили.

Из кустов, минуя ту тропинку, которой мы пришли, не выбежал, а вылетел молодой парень, подросток лет пятнадцати с искаженным от ярости веснушчатым лицом. Он не видел никого: ни явиль, с которой едва разминутся, ни сошедшихся, как бойцовские петухи, учителей, ни хранительницу, ни застывших в ожидании зрителей. Его вела ярость, а перед глазами стояла одна цель.

– Ты за это заплатишь, Седая! – Ломающийся голос сорвался на фальцет.

Он не остановился ни на мгновение, не позволил себе ни промедлить, ни задуматься. Я при всем желании не успела ему помешать. Он накинулся на Алису, рыча и оскаливая белоснежные клыки. Святые! Парень был выше моей дочери на голову и вдвое массивнее. В отличие от меня, Алиса оставалась спокойной, позволив себе высокомерную улыбку, прежде чем они сцепились и покатались по траве. Брызнула кровь. Я закричала.

Бросилась вперед раньше, чем осознала, что хочу сделать. Было забыто все: и собственная медлительность, и неповоротливость, и осознание того, что предо мной ребенок – мораль, воспитание, нежелание причинять вред были отброшены в мгновение ока. Сейчас я хотела быть нечистой. Голова мальчишки оказалась перед глазами на одну секунду, но этого хватило, чтобы вцепиться ему в волосы.

– Арх. – Парень захлебнулся рыком и отмахнулся.

Я даже не уловила его движения, почувствовав смазанный, слава святым, удар по лицу. Больно! Рот тут же наполнился кровью, руки разжались, и я покатила по траве.

– А вот за это заплатишь ты, Видящий! – закричала Алиса, и они снова сплелись в живой клубок.

Я вскочила на ноги, смутно ощущая в руке знакомую тяжесть рукоятки ножа. Но не остановилась. Вечный вопрос выбора: твой ребенок или чужой – решен уже давно. Я не учла, что здесь есть создания быстрее меня. Они вмещались не сразу, так как зрелище пускающих друг другу кровь подростков было чем-то мило их сердцу. Я и мой нож не оставили им выбора. Угрім и Адаш растащили учеников прежде, чем я успела сделать шаг, четко и по-деловому.

Рубашка на плече парня быстро намокала от крови, не повезло конопатому. Алиса демонстративно облизала заостренный коготь.

– Кровь за кровь, Видящий, – засмеялась она, коса растрепалась, футболка была чуть надорвана у горла, пятна травы и земли на светлых хлопковых бриджах. Я с облегчением выдохнула.

Парень дернулся, но Адаш держал крепко.

– Убери нож! Немедленно! – Пашка схватила меня за руку.

Я повернулась, только сейчас заметив хранительницу. Мила смотрела на лезвие, и в ее глазах бушевало пламя. Обнаживший оружие против ребенка в *fili de terra* подлежал уничтожению. Ее долг защищать. Я торопливо убрала лезвие, подняла руки. Мила стояла прямо предо мной, в долю секунды переместившись с того края просеки. Буря в ее глазах не утихала.

– Святые, прости! – выдавила я, глядя в ее магическое пламя.

– Нет! Не смей! – закричала Алиса.

Парень засмеялся. Происходило то, чем меня пугали три года. Моя слабость стала причиной несчастья, которое погубит нас обеих. Хранительница в своем праве. Вынуждена признать, Кирилл был прав. Они все: Угрім, Веник, Пашка – были правы, я не часть этого мира, оттого

и сдохну, если срочно что-нибудь не сделаю, не докажу, что не просто не хотела, неправда – хотела, а не могла причинить парню вред.

Что ж... я взялась за нож.

– Ольга, нет! – рывкнула Пашка.

Лезвие вышло из ножен легко и бесшумно. Мила перехватила руку. Жесткий до боли захват. В ее глазах стояла боль. Та, которой я помогала спасти сына, страдала, хранительница выполняла свой долг.

Я крутанула кожаную рукоять и прижала лезвие к ее пальцам, не в попытке причинить боль, в попытке спастись.

– Железо, – крикнула я, – слышишь? Железка, такому, как он, не опаснее комариного укуса. Мила!

Что еще могла взять с собой? При условии, что моя спутница учует собственноручно помеченное серебро шагов с десяти?

Девушка вздрогнула и отступила. Больше всего это походило на пробуждение от гипноза. Она была очень юной, и в жизни человеческой, и в роли хранительницы. Она плохо контролировала вылезающие на первый план инстинкты защитницы.

– Не делай так больше, – попросила она.

Я убрала нож, но говорить ничего не стала. К чему давать невыполнимые обещания?

– Вы еще поплачьте. – Парень, больше не удерживаемый злыднем, держал в руках телефон, и тот, могу поклясться, работал в режиме камеры. А ведь это идея!

– Держал бы язычок за зубами, – посоветовала ему Алиса, – пока не укоротили.

– Стоп, – скомандовал Угрим, – предлагаю этих двоих рассадить по разным углам до выяснения всех деталей.

– Зачем? – поинтересовалась Пашка.

– Затем, что это Вадим Видящий, там, на тропе, умирает Варлаам Видящий, а она Седая.

– Этот умник решил, что мне есть дело до его ненаглядной семейки. – Алиса подошла ближе.

– Не притворяйся овцой. – Видящий убрал телефон в карман, Адаш напрягся, но нападать парень не стал. – Вы мечтаете взять реванш с тех пор, как к нам отошел Поберковский источник. Что скажешь, не так? Кто еще на такое осмелиться?

– И как смерть мелкого нам в этом поможет? – Девочка фыркнула.

Я подошла к заснувшему вечным сном «лишенному», на ходу доставая телефон. Связи, конечно, не было, но камера работала. Первые три снимка вышли смазанными.

– К чему это? – спросил лишающий удачи.

– Сам сказал, допросы бывают разные. Будь это хоть нечисть, хоть человек...

– Это человек. Бывший, – вставил черноволосый.

Я чертыхнулась, рука дрогнула, и на дисплее отразилось размытое нечто.

– Тем проще, у человека обычно есть семья, друзья, работа, дом, машина, кредит. Надо выяснить, кто он и откуда, когда пропал, и посмотреть, куда приведет эта ниточка. – Еще один кадр с тем же успехом. Да что же это такое! Я дернулась, и аппарат выскользнул. Если бы не Адаш с его реакцией, осталась бы без устройства. Но с другой стороны... Злыдень кивнул, протянул телефон и с кривой улыбкой отошел. Я попробовала еще раз и стала обладательницей детальных кадров замерзшего человека. Злыдень, стоя с другой стороны прогалины, без особой вины развел руками. Мы то, что мы есть.

– Я закрыла *fili de terra*, – обрадовала нас Мила, – на сутки. Никто не уйдет, пока мы не найдем виновника.

– Тогда, действительно, этих двоих разумнее запереть, – согласилась я.

– Мама! – в голосе Алисы возмущение смешивалось с обидой, такого она от меня не ожидала.

Раз уж настало время признавать чужую правоту, то действовать надо соответственно. Пора перестать вытирать соплю одному из самых опасных хищников, хотя и очень хочется.

– Они могут обвинить Алису? – спросила я у Пашки спустя час.

Мы сидели на крыльце каменного двухэтажного дома. Явидь в раздражении дернула плечом, настроение у змеи было не очень, ей пришлось оставить за этими крепкими стенами Невера – в некоем подобии яслей в компании подросткового Игоря и еще пары сладко спящих ребятишек. На самом деле, «пришлось» – неверное слово, она сама настояла на этом, всяко лучше, чем сутки болтаться в рюкзаке за плечами.

Во дворе на детской площадке играли дети постарше под пристальным вниманием молодой ведьмы в фиолетовом сарафане и широкополой шляпе.

– Какие для этого основания? Доказательства? – продолжала рассуждать я. – Она парня не трогала.

– Веские. – Из-за угла здания вышел Адаш, Мила соткалась из воздуха к вящему восторгу малышни.

Сегодняшние гости *fili de terra* еще не поняли, что вернуться домой сразу не удастся. Большинство предпочло провести время с детьми, раз уж уроки отменили, но были и те, кто задавал вопросы и возмущался. Этих Мила банально послала напрямик к видящему в... В общем, сослалась на распоряжение сверху, и они отстали. Пока.

Мы разошлись с поляны каждый в свою сторону. Девушка и злыдень утащили тело «лишенного» в исследовательские подвалы. Мы с Пашкой сопроводили не в меру воинственное молодое поколение на полигон и оставили их на максимально удаленных друг от друга площадках под присмотром наставников, в роли одного из которых ожидаемо выступил Угрим. До утра их ждала увлекательная отработка контроля эмоционального фона. Судя по тому, как скривились подростки, занятие обещало быть в меру нудным, то, что надо, чтобы остудить горячие головы.

– Я в долгу перед тобой, – начала хранительница, – поэтому скажу, как есть. «Лишенный разума» – больше не человек, и человеческие правила к нему не применимы. Он – зверь. Зверью на землю детей хода нет, за одним исключением: питомец может попасть сюда в сопровождении хозяина.

– Даже хищник? – спросила явидь.

– Других наши детки не держат, – хмыкнул лишающий удачи.

– То есть нападение было спонтанным? – уточнила я, поднимаясь. – Хищник «без разума» без конкретной цели напал на первую же подвернувшуюся добычу. И дело не в конфликте Видящий – Седой?

Злыдень и хранительница переглянулись.

– Зверя можно выдрессировать, натаскать на определенный запах. Попадая сюда, «лишенный» не был зол, он взял след добычи, на которую его натаскали, а догнав, напал, – пояснила девушка.

– Вы много знаете об этих «лишенных». – Пашка встала.

– Да, – Мила вздохнула, – я уже сталкивалась с ними. – Она рывком подняла мешковатый свитер.

От горла вниз шли выпуклые багровые полосы – рубцы, частично скрытые бюстгалтером и ныряющие за пояс брюк.

– Святые, – вырвалось у меня.

– Первого «лишенного» натравили на меня. – Свитер вернулся на место. – Кто-то провел зверя, зверь взял след, зверь убил. Потом мы нашли мои трусики, издевательски развешенные на ветке сразу у перехода. Зверь шел по запаху.

– Вот, что мы нашли сейчас, – Адаш вытянул руку, в которой печально болтался одинокий черный носок, – принадлежит младшему Видящему, раньше он не имел привычки развешивать свои вещи на деревьях.

– Не получится, – сказала я. – Приведший зверя знал, куда, кого и для чего он ведет. Земля детей читает души, как открытую книгу. Приведи я на поводке динозавра с намерением откусить голову учителю физкультуры или однокласснице-доставале, *filii de terra* меня не впустит.

– Впустит, если ты не знаешь, кого и для чего ведешь, – злыдень посмотрел на носок, – задачи разделили, как ингредиенты коктейля. Один приводит лишенного, проделка, преподнесенная, как шалость. Без цели, без смысла. Второй наводит на цель. От него требуется взвести оружие, достать «запах цели», для этого даже не обязательно покидать землю детей. Координатор сидит не здесь, он там, – Адаш махнул рукой, – здесь ингредиенты соединили. Напиток подан, главное, когда пьешь, не захлебнуться.

– Что за дурак тащит на веревочке хищника и не интересуется, чем оно будет кормить? – буркнула Пашка.

– Ему посоветовали не интересоваться, – Мила прищурилась, – посоветовал тот, кому не отказывают.

– Теперь они знают, – вставила я.

– И будут молчать, – сказал Адаш, – потому что вылететь из *filii de terra* – это одно, а держать ответ перед Видящим – другое.

– При чем здесь Алиса? – спросила я.

– При всем моем уважении к тебе, – хранительница махнула рукой, – меня убрали, если не по приказу, то уж точно с согласия Седого.

– Не докажешь, – хмыкнула Пашка. – Даже если и так, кто Седой и кто ты, при всем моем уважении. Так что давайте поближе к сегодняшнему дню и к Алисе.

Я кивнула. Доска под правой ногой проломилась. Лежать бы мне на земле, не будь у крыльца всего одной ступеньки.

– Вещи с запахом жертв добыл кто-то из местных, – протянул Адаш

Держась за перила, я отступила от злыдня на пару шагов, лодыжка ныла.

– Сколько тут учеников? Учителей? Работников? Посетителей? – скривилась явидь. – Давайте серьезно. Если вы с этим придете к Видящему, он с вас шкуру спустит за подставу перед Седым, а ведь еще и извиняться придется.

– «Лишенный» не маленькая незаметная зверушка, – стал объяснять злыдень, – его привели непосредственно перед нападением, иначе слишком велик риск быть замеченным. Дети любопытны, иногда кажется, что у них глаза даже на затылке.

– Согласна, – кивнула я, – тащить сюда хищника заранее бессмысленно.

– Значит, вариантов всего три, – взяла слово Мила. – Вы, – она указала на нас, – пришли последними и вполне могли спустить «лишенного разума» с поводка. Посвящение длится минут десять, за которые зверь находит жертву. – Она жестом остановила готовую возразить не совсем цензурными словами явидь. – Перед вами также на посвящение прошли двое из Бесова, та же ситуация: есть и время, и возможность. Остальные либо пришли заранее, а это ненужный риск, как ты сама сказала, либо большой компанией, а у всех на глазах протащить по переходу голого человека на цепи проблематично. Нет, я никого не исключаю, но предпочитаю сосредоточиться на более реальных версиях.

– Ты говорила о трех вариантах, – напомнила я.

– Третий еще хуже, – ответил лишаящий удачи. – Пока шло посвящение, на землю детей вернулась Легенда зимы, – он фыркнул: то, как называли мою дочь после первой охоты, вызывало его неодобрение, – в сопровождении наставника. Накануне вечером по приказу Седого они отбыли в Серую цитадель, провели там ночь и вернулись. Как раз в тот момент, когда

большинство людей заняты на посвящении или глазеют на него с безопасного расстояния. Риск попасться минимальный, хоть динозавра, – она грустно улыbnулась, – проводи.

– Все, что у вас есть, – это время и возможность, – пробормотала я, – Седой и Видящий сожрут вас с потрохами.

– Главное, знать, что искать, – Мила покачала головой, – а мы знаем. К утру доказательства будут. – Девушка растворилась в воздухе.

– *Filii de terra* – остров безопасности, таким и останется, – уходя, сказал злыдень.

– Эй! – закричала ему в спину Пашка. – Парень еще жив!

Они предпочли не услышать.

– Низшие! – рявкнула змея. – Они даже не поинтересовались, а не мы ли это? То есть я, конечно, знаю, что это не мы, но они этого не знают, так почему...

– Перестань, – поморщилась я.

– Все подозреваемые, как назло, подданные Седого, даже эти из Бесова, – рявкнула змея. – Ну, не верю я, что хозяин мог так подставиться. – Она стиснула руки, замерла и, что-то для себя решив, быстрым шагом направилась обратно на окраину *filii de terra*. – Сами будем искать. Надо отследить путь «лишенного» хотя бы в пределах острова, на этих деятелей надежды никакой.

Тело явиди менялось на ходу: темнело, покрывалось чешуей. Делает шаг молодая девушка, а заканчивает его броском мускулистого хвоста змея.

– Так я лучше чувствую, – пояснила она и пообещала: – Не дай низшие очередному «лишенному» появиться, наизнанку выверну.

Мы обогнули два длинных корпуса, столовую и спортивный зал, миновали забор с накиннутой на него маскировочной сетью, очередной учебный полигон. Я бежала за Пашкой, ловя на себе любопытные взгляды как детей, так и их родителей. Увлеченная явидь в своем настоящем облике могла дать фору любому спортсмену. Голый круг земли она миновала, даже не повернув головы. До лесополосы мы добежали минут за двадцать, ясли находились на другом конце совсем не маленького *filii de terra*.

Просека, тропинка, загибающаяся к центру, именно здесь больше часа назад застыл ледяной статуей «лишенный разума».

Пашка принялась и стала кружить по прогалине. Я прислонилась к шершавому стволу, стараясь восстановить дыхание. Ей не мешала, даже интересно наблюдать за тем, как сходит с ума кто-то другой, а не я, для разнообразия.

– С чего тебя так разбирает? – спросила я, когда змея пошла на пятый круг.

– Удивляюсь твоему спокойствию. – Пашка сунула морду в ближайшие кусты и чем-то там зашуршала. – Алиса фаворит на титул «убийца года» и её могут выдать Видящему, а ты до сих пор не бегаешь с транспарантом, требуя справедливости.

– Не выдадут, – я пожала плечами, – не Легенду зимы, иначе начнется война. Скорее, уж нас с тобой.

– Вот-вот, а ты и ручки сложила. – Она закружила по поляне. – С тебя станется взять вину на себя! Тебя казнят, а мне что делать? Не хочу закончить, как ключник. Запертой в собственном доме, проклинающей всех и вся. Не уследила за человеком, а потому ни хозяин, ни кто другой не доверит мне мало-мальски нормальной работы! Благодарствую! – Она зашипела.

– Зато войны не будет.

– Вот уж счастье. Война-то как раз дело не плохое, скорее, наоборот – держит в тонусе. Новые заклинания, новое оружие, новые земли, кровь, плоть, боль, многие даже на охоту не ходят, еды и так хватает.

– Что со следом? – сменила тему я.

– Ничего, – явидь развернулась, – здесь «лишенный» закончил свой путь, давай вернемся чуть раньше, туда, где он догнал парня.

Я пожала плечами и последовала за змеей. Пашка, как охотничья собака, четко шла по следу. Я не видела смысла мешать ей развлекаться.

Причина моего спокойствия немного отличалась от озвученной. Не то чтобы мне было слабо взять вину на себя, но мы с Пашкой тоже не задали одного важного вопроса. Ни себе, ни, что еще важнее, моей дочери. Мы не спросили, а не моя ли Алиса на самом деле привела зверя в *filii de terra*? Может, эта война как раз и нужна Седому? Я столько раз ошибалась, столько раз видела, когда очевидное оборачивается пшиком, а невероятное реальностью, что перестала верить даже в логику, она у каждого своя. Вспоминая прошлые ошибки, я не торопилась с выводами. Взрослею? Или в очередной раз обманываю себя?

Пашка раздула ноздри, здесь даже я чувствовала запах старой ржавчины. Земля давно выпитала кровь, трава осталась коричневой. Парня унесли отсюда живым, но как долго сие продлится, не мог сказать даже целитель. Мила усугубила ситуацию, закрыв землю детей, лишив тем самым раненого помощи извне. Надеюсь, она знает, что делает.

Я невольно сравнивала ее с Ефимом, а защиту *filii de terra* с нашим периметром. Как говорил Алексей: «учтено все, что только можно учесть». По сути, наше заклинание – версия лайт от магии острова безопасности. И, несмотря на это, сюда попадает «лишенный», да еще и два раза подряд. Ох, Мила! На месте Видящего, я бы задала хранительнице определенные вопросы.

– Низшие! – покружив по прогалине, простонала Пашка и опустила голову. – Ничего.

– Совсем? – удивилась я.

– Следов море, но все не те. Запах человека ничем не перешибешь, но его нет. – Она выругалась, я подошла ближе и несколько секунд без всякого смысла пялилась на траву, которая чем-то не угодила явиди, трава как трава, ничем не хуже вон той, на пригорке. – Его стерли заклинанием. Кто-то не хотел, чтобы нашли точку входа и унюхали, кто был с «лишенным» в этот момент.

– Логично, не находишь? – сыронизировала я. – Мила и Адаш скрутили «лишенного» сразу после нападения, мы отстали от них ненамного.

– То есть тот, кто чистил след, был с нами на прогалине?

– Не знаю. Разве это не привлекло бы внимания? Мила бы точно почувствовала, – сказала я.

Явидь разочарованно застонала и махнула рукой, признавая поражение. Рукой, а не лапой, пальцы на которой стремительно светлели, когти втягивались.

– Что теперь? – поинтересовалась я. – Поговорим с теми двумя из Бесова?

– Пустая трата времени, – девушка провела голый ступней по траве, – они шли прямо перед нами, я чуяла их следы очень четко. Не было с ними «лишенного», могу поклясться на камнях правды.

– Итак, у нас ничего, – подвела итог я, и предложила: – Пойдем, пообедаем?

Я была удивлена тем, что она согласилась, пусть и не очень охотно. Мы вернулись к столовой, длинному одноэтажному барaku с двумя пристройками под прямым углом по бокам, явно более поздней постройки, чем основное здание. Из открытых дверей ноздри щекотали аппетитные запахи.

Два года назад мне наглядно доказали, что для моего куцега обоняния нет разницы между, к примеру, человечинной и любым другим «съедобным» мясом. Подробности того праздника осени в Юково до сих пор являются мне в кошмарах. Радостные лица соседей, теплые осенние лучи солнца, пьянящий глинтвейн и восхитительный, щекочущий ноздри запах шашлыка. Мне щедро наполнили тарелку исходящими паром ломтями с аппетитной хрустящей корочкой. Кто-то одобрительно похлопал по плечу.

Впоследствии я убедила себя, что не успела даже попробовать, так и ввалилась под тень палатки с пивным логотипом, явно украденной из летнего кафе, с полной тарелкой мяса. Я искала соус. Я его нашла. И не только его. Дальнее от входа полотнище было откинута и подвязано, так что у палатки не хватало одной стены, именно там и располагалась широкая жаровня с тлеющими углями и гигантскими треногами, удерживающими вертел. Не хочу вспоминать, что было насажено на него, не хочу, но все равно вспоминаю. Вместо какой-нибудь туши хрюка они запекли выпотрошенного человека. Больше всего мне запомнился неровный обгоревший череп мужчины.

Я несколько месяцев вытравливала из себя воспоминания и думала, что у меня получилось. Но иногда, когда я уверена, что все забыто, оно возвращается, полувоспоминание, полусон, полуявь. Я неспроста пошла искать соус. Слишком уж аппетитно пахли те кусочки. Я взяла верхний и отправила в рот целиком. Мясо было приготовлено великолепно, сочное, из-за специй чуть сладковатое, поэтому мне и понадобился соус. По дороге на кухню я съела еще парочку. Они, конечно, вышли обратно, прямо там между складным разделочным столом и тележкой с одноразовой посудой, но это не отменяет самого факта. С тех пор я не доверяю собственному носу.

Меню порадовало картофелем с травами и лотками с мясом. Как и ожидалось, неизвестного происхождения, похоже на свиные стейки на кости. Но как я уже говорила, одного раза для меня более чем достаточно.

Явидь на минуту нарастив темную чешую на ладони, поставила предо мной железный чугунок с исходящей паром картошкой, проигнорировав тарелки, подносы и очередь голодных детей. Понюхала, скривилась и стащила еще один, уже с мясом, для себя. Спровоцировав нездоровый ажиотаж среди учащихся. Они наивно полагали, что одна порция в одно рыло, или две, для особо наглых, но не целый лоток. Мы в корне изменили их представления о наглости, и поваров ждут тяжелые времена.

Некоторое время мы ели в полном молчании, что на фоне постоянного общего шума нисколько не тяготило. Я ковырялась в овощах, Пашка в лотке, после второго куса ее энтузиазм, как и аппетит, угас. Она вытерла руки бумажной салфеткой и отбросила ее на покрытой клетчатой клеенкой стол, вызывающий ностальгию по советскому общепиту. Конкретно по пельменной на углу улиц Свободы и Республиканской, давно снесенной, куда иногда водила меня мама.

– Пашка, – отвлекла я ее от нелегких дум, – можешь смеяться, но я считаю тебя подругой или близко к этому.

– Мы подруги, – явидь моргнула, – я за тобой слежу, охраняю, доношу, значит, мы подруги.

Я скрипнула зубами, что не укрылось от Пашки, но я заставила себя продолжать:

– Тогда скажи мне, чего ты ерзаешь? Пафос про защиту «доброго» имени Седого оставь для его секретаря и прочих. Туда же отправь переживания по поводу моего и Алисиного будущего. Что не дает тебе, и только тебе, завалиться на траву и глядеть в облака?

Она не ответила, взявшись за лоток с мясом. Я, решив не настаивать, рассеянно оглядывала зал. В главном зале столы стояли в четыре ряда практически вплоты друг к другу, разделяясь проходом по центру шириной метра в два и стойкой самообслуживания, тянувшейся через всю столовую. С двух сторон к большому залу примыкали два поменьше, куда вели арки с разных сторон вытянутого помещения. Даже отсюда мне были видны столики с кремовыми льняными скатертями, полным набором столовых предметов и горячими чайниками на столах. Надо ли говорить, что те, кто стоял в очереди за мясом неизвестного происхождения, не осмеливались переступить незримую границу, усаживаясь за столы неподалеку. По ту сторону были те, кто оплатил обучение, по эту – кто нет.

– Это я виновата! – выдала вдруг Пашка. – Вернее, не виновата, я же не знала. Но хозяин скажет, что все из-за меня...

Явидь зарычала, стиснув мясо в кулаке так, что на стол брызнул сок и разлетелись волокна, кость тихо хрупнула.

– Помнишь, я говорила, что ненависть ушла и *filii de terra* меня впустит? – Она бросила измочаленный кусок обратно в лоток. – Я врала. Я бы с удовольствием оторвала Угриму голову и сейчас.

– Я заметила.

– Этот... этот... отказался от возможности стать отцом, можно подумать, я каждому встречному это предлагаю. Словно ему не честь оказали, а ярмо на шею повесили. «Не думаю, что это необходимо», – передразнила она ледяным голосом наставника, – вырвать язык за такое мало будет.

– У тебя получилось убедить и меня, и *filii de terra* в обратном. Мы же здесь.

– В том-то и дело, – явидь поникла, – я знала, что Угрима не будет.

– Откуда? – Я отодвинула чугунок с остатками картофеля.

– Я попросила хозяина отозвать его на время посвящения. – Она опустила голову. – Я хотела видеть, как моего Невера посвятят высшим и низшим, не поручать это другим, а принести его самой, понимаешь? Хозяин услышал и помог. Что я скажу ему теперь? Что из-за моего каприза его дочь в пяти минутах от обвинения в убийстве младшего Видящего?

– Н-да. – Я покачала головой.

Банальное стечение обстоятельств. Но показалось ли мне оно таким банальным, если бы в результате него пострадал бы не Варлаам, а Алиса? Нет! Я бы нашла, кого обвинить, и не была бы к явиди столь снисходительна. И они не будут.

Я думала об Алисе, оставленной на попечении Угрима, о том, какую роль суждено сыграть детям в этой недетской партии. Я думала, кожей ощущая навязчивые чужие взгляды. Они всегда смотрели, куда бы я ни пошла. Человек – чужак, и внимание в нашей тили-мили-трядии мне обеспечено. Я оглядела зал, кто-то шептался, кто-то продолжал нахально разглядывать диковинку, кто-то замирал на месте, как этот кареглазый пацан, забывший, зачем подошел к стойке с подносами. В голове закрутилось воспоминание. Я видела этот испуг, от которого сердце наверняка бьется в горле, раньше, видела эти карие глаза. Но у воспоминания не хватало какой-то детали, но я не могла сказать, какой.

Пашка фыркнула, ее развлекали эмоции паренька. Точно так же, как они развлекали толпу, собравшуюся у замороженного тела «лишенного разума». Третий раз встречаю мальчишку на своем пути, и каждый раз он пугается до судорог. Лыщу себя надеждой, что еще не настолько страшна, чтобы пугать детей. Я не ищу подобного внимания, и пора бы уже свести с необычным поклонником знакомство, даже если он лешак, наслушавшийся сказок дремучей бабки о страшных человеках, вырубающих леса.

Я встала, и одновременно с этим парень бросился бежать, сбив по дороге двоих с подносами и раскидав их несостоявшийся обед по полу, поскользнулся, вскинул руки, едва сохраняя равновесие, и выскочил за дверь. Чтоб так бегать, надо иметь вескую причину.

Я отстала от мальчишки не более чем на несколько секунд, но, когда выскочила за дверь, дорожка была пуста. Пацан, в отличие от меня, знал тут каждый куст.

– Зачем тебе пугливый щенок? – Пашка вышла следом и принюхалась – Думаешь, он имеет отношение к "лишенному"?

– Не имею ни малейшего представления. – Я, поколебавшись, взяла правее. – Я пугаю этого ребенка до судорог и хочу знать, почему.

– Значит, узнаешь.

Она втянула теплый полуденный воздух и, махнув мне рукой, указала в противоположную сторону, следопыт из меня никакой.

– Он может позвать хранительницу, наябедничать, что большие нехорошие тети и змеи преследуют его маленького и несчастного, – предупредила я, когда мы обошли столовую.

– Не позовет.

Явидь быстрым шагом пресекла лужайку, плавно переходящую в спортивную площадку с лестницами, канатами и перекладинами. За ней стоял вполне современный коттедж из толстых брусьев цвета солнечного теплого меда, такому место не в нашей тили-мили-трындии, а на рекламной картинке, белых овечек да семьи с улыбками не хватает.

– Ты неплохо научилась читать по лицам, толковать движения, жесты, следить за интонацией. – Змея обогнула коттедж со светлыми в тон дереву занавесками, поморщившись от запаха смолистой, согретой солнцем древесины. – Хорошо, но недостаточно. Иначе бы знала, что, помимо страха, в парне полно вины. Никого он не позовет. Он виноват и не хочет, чтобы это вскрылось.

За деревянным домом стояли каменные, напоминавшие двухэтажные лагерные корпуса, сложенные из панелей с темными неаккуратными швами. Три дома, построенные на сторонах равностороннего треугольника, отгородившие часть леса в качестве внутреннего двора. Между постройками сохранились широкие проходы, вытоптанные в густой траве. Компактные, напоминающие буханку хлеба как формой, так и цветом, корпуса опоясывали длинные балконы как по первому, так и по второму этажу. Сквозные подъезды, пожарные лестницы, плоские крыши.

Троица мальчишек постарше у торца крайнего дома проводила изящную фигурку явиди свистом. К счастью для подростков, она не обратила на это внимания.

Мы пробежали сквозь двор, оставив за спиной жилые корпуса треугольника. Начался лес, тропинки, расходящиеся стежками во все стороны света, сейчас были совершенно бесполезными, Мила закрыла входы и выходы на остров безопасности. Я видела, как Пашка принюхивается, приглядываясь к толстым стволам и кронам. След уводил туда.

Я успела сделать десяток шагов под кроны, когда земля и небо поменялись местами. Меня подняли, перевернули и хлопнули об землю, выбивая, воздух.

Зрение вернулось преступно быстро, я была совсем не против еще полюбоваться на цветные пятна. Всяко лучше, чем потемневшие от гнева глаза Веника, желтоватые клыки, препоганейший запах изо рта, низкое рычание – и все это в преступной близости от моего лица.

– Отпусти, – рявкнула явидь, рука, зарастающая чешуей, ухватила его за волосы, запрокидывая голову, вторая с отросшими когтями легла на горло, – отпусти ее, падаль!

Карие глаза сверкнули, страха в них так и не появилось, лишь досада. Мне показалось, он взвешивал шансы разорвать мое горло, прежде чем явидь возьмется за его, и насколько такой обмен равноценен. Мгновение стало для меня бесконечностью, оно парализовало, не давая отвести глаз от его лица. И оно же стало откровением, потому как недостающий кусочек воспоминания с громким щелчком, раздавшимся в голове, встал на место.

– Святые, – выдохнула я, – он твой сын! Фото мальчишки, что ты показывал бабке! Он вырос, и я его не узнала. Но у него те же глаза. Твои.

Гробокопатель зарычал, отстранился и без малейшего усилия вывернулся из захвата змеи. На коже шеи остались красные полосы. Я приподнялась на локтях, тело слушалось, обошлось без переломов, но каждое движение отдавало болью, приложил он меня не слабо. Обиды на встряхнувшегося, как дикий зверь, падальщика не было, я еще не то вытворяла, когда считала, что защищаю дочь.

– Нам надо поговорить с ним. – Я ухватила за протянутую руку явиди и встала.

Глаза змеи отливали яркой медью, она была готова вступить в схватку в любой момент.

– Нет. – Веник передернул плечами.

– Да не сделаем мы твоему щенку ничего. – Пашка, убедившись, что я могу стоять сама, подступила к внешне спокойному мужчине.

– Еще бы. – Он отвернулся от нее и направился к лесу, до которого оставалось с десяток шагов.

Можно удивляться собственной недогадливости. Я смогла связать трехлетнего пухлого малыша с фото с Веником, но не пугливого любопытного мальчишку из *filii de terra*, хотя ведь чувствовала: что-то не так, что-то упущено. Я смотрела, как он уходил, и подмечала все больше и больше деталей. Та же слегка сутулая походка, та же манера движений, то, как пацан стоял у стойки с подносами, как держал голову.

Идея возникла спонтанно, и, как обычно со мной бывает, я озвучила ее раньше, чем обдумала.

– Один разговор. Десять минут в твоём присутствии, и я оплачу год обучения в *filii de terra*.

Глупости бывают разными, иногда понятными и исправимыми, иногда странными и легко игнорируемыми, а иногда такими, как сейчас, необъяснимыми.

Гробокопатель вернулся вмиг, возник передо мной в один удар сердца и, если бы не явись, вставшая на его пути, сшиб бы обратно на землю.

– Остынь, – рявкнула Пашка, – и ты, Ольга, думай, прежде чем говорить.

Предложение родилось спонтанно, подталкиваемое воспоминанием о мальчишке, которого я видела в бесплатной столовой. Как можно унижить мужчину, не важно, человек он или нет? Очень легко, усомнись в его способностях, в его возможностях или еще проще, заплати за него.

– Два года, – голос Веника был тих, и оттого смысл сказанного дошел до меня не сразу, – и я могу прервать беседу в любой момент.

То, что он говорил, было неправильным, но я кивнула, соглашаясь, момент для торга явно не подходящий.

– Марик, – позвал он чуть громче, отводя взгляд и скрывая бушующую в нем ярость.

Падалыщик злился на меня за предложение, на себя за согласие. Но другого обвинять всегда проще и легче, чем заглядывать внутрь себя. Да и надо ли? Если есть девчонка, заработавшая свои деньги одним местом и, мало того, предложившая эти деньги ему, и он, принявший их. Так кто виноват? Ответ очевиден.

Из-за ближайшего дерева к нам вышел по-прежнему испуганный пацан. Ему не хотелось не то что говорить, а вообще приближаться к нам. Но он слышал наш разговор, понимал, что последует за этим.

– Почему ты меня боишься? – Я склонилась к пацану, едва не охнув от боли в правой лопатке.

– Я вас не боюсь. – Парень упорно смотрел себе под ноги.

– Но... – Я даже растерялась.

– Не врет, – Пашка хмыкнула.

– А чего ты боишься? – не сдавалась я.

– Много чего, – буркнул парень, – колдовства, огня, демонов и... – Он замялся.

– Юродствует. Ему весело, – змея зарычала.

Но я и без нее видела задорные искорки в глазах цвета горячего шоколада. Парень был умен, есть в кого, надо сказать. Он выполнял уговор, отвечая на вопросы, беда была в том, что мы не знали, о чем спрашивать.

– Это все, что вы хотели узнать? – Падалыщик оскалился.

– Ты знал Варлаама Видящего? – предприняла еще попытку я.

– Видел, – мальчишка пожал плечами, – я не того полета птица, чтобы дружбу с демонами водить.

– А «лишенного разума»? – влезла Пашка.

– Ну... да, видел, вместе со всеми на поляне.

Мимо. Но что-то же должно быть. Не зря же он бегал, не зря переминался с ноги на ногу, не зря бросал на отца такие выразительные взгляды.

– Знаешь, кто его сюда привел? – спросила явидь.

– Нееет.

Даже я, слыша, как он растянул гласную, поняла, мы попали, что уж говорить о змее и гробокопателе.

– Мальчик, – голос Пашки стал вкрадчивым, – врать нехорошо.

– Я не вру! Клянусь, не знаю, кто провел этого голого человека. – Марик был растерян, а на лице отразился тот давешний страх, заставивший его убежать.

– А другого? – Я заглянула ему в лицо.

– Что?

– Другого лишенного, пару месяцев назад знаешь, кто привел? – Я выделила первое слово и еще до того, как закончила вопрос, поняла, что попала в десятку.

Он жалобно сморщил нос, открыл и закрыл рот, но соврать не решился.

– Разговор окончен, – отрезал Веник, задвигая парня себе за спину.

Пашка зарычала. Одного намека на движение хватило, чтобы падальщик подобрался и оскалил клыки. Тяжелый чешуйчатый хвост стегнул по траве в мизинце от его ног, но мужчина не шелохнулся.

Если бы тогда на поляне сошлись Адаш и Угрим, это была бы кровавая драка. Если сцепятся нелюдь с заложником, это будет уничтожение, слишком много значит для каждого из них то, что может сказать или не сказать мальчик.

– Веник, – я сделала шаг вперед, понимая, что один взмах руки или хвоста – и мне очень надолго станет не до разговоров, – они убьют его.

– Заткнись. – Он на мгновение отвел взгляд от явиди, и она воспользовалась этой десятой долей секунды.

Хвост обвился вокруг лодыжки, приковывая мужчину к одному месту. Удар треугольными когтями в лицо, в глаза. Падальщик успел перехватить мускулистое предплечье, сбивая выпад, и пальцы отклонились, задевая правый. Он с такой силой сжал ее руку, что из-под лопнувшей чешуи брызнула кровь. Шипение сменилось стоном.

– Отец! – закричал мальчишка, за мгновение до того, как змея швырнула гробокопателя хвостом.

Мужчина тяжело стукнулся о ближайший ствол. Зловещий хруст то ли дерева, то ли костей резанул слух.

– Гадина! – Пацан бросился на змею.

И она совершила ошибку. Намеренно или случайно, но совершила. Явидь схватила его за горло и приподняла. Сын падальщика захрипел отвратительным прерывистым звуком, который мне суждено запомнить навсегда.

– Ты будешь говорить, – Пашка улыбалась, ей нравились его ломаные судорожные движения, пальцы, бессильно скребущие по чешуе, боль, – или я убью эту падаль, что ты называешь отцом.

Парень дернулся, и она размашистым движением отбросила его к Венику.

Я мало что могла в этой схватке нечеловечески быстрых и сильных существ, одна из которых, как водится, оказалась быстрее и сильнее остальных. Разве что встать на ее пути, закрыть собой мальчишку и Веника, чуть ли не хребтом осознавая, как хлипка эта преграда, и надеясь на то, что змея помнит, какую работу ей поручили в Серой цитадели.

– Не делай этого, – попросила я.

– Сама сказала, щенка убьют. Так есть ли смысл осторожничать?

Она приблизилась одним сильным и плавным рывком. Я почувствовала чужое дыхание, чужое присутствие за спиной. Падальщик встал и был готов к драке, пусть безнадежной и отчаянной, но сдаваться не собирался. Этим вопреки всему он мне и нравился.

Бросок змеи, когда за мгновение до этого, напрягаясь, очерчивается каждая мышца, был бы финальным. Для Веника – без вариантов, для меня – под вопросом, но фатальным для того, что здесь называют дружбой.

Игры кончились! Слава святым, парень тоже это понял и нашел в себе силы достаточно испугаться. Мила соткалась из воздуха чуть правее меня, с той стороны, где за отца цеплялся Марик.

Когда хранитель в своем праве, когда выполняет то, для чего был создан, для чего наша тили-мили-трындия сохранила жизнь смертному и надела огненные браслеты на руки, он непобедим. Сила всех, кто живет на стёжке, собирается в одном единственном теле. Простая арифметика, один никогда не победит множество.

Змея будто натолкнулась на стену, сдавленно вскрикнула и теперь сама уже, кувыркаясь, отлетела в высокую траву, оставляя за собой вывороченные куски дерна и тонкие разрозненные брызги алой крови на зеленых стеблях и листьях.

Девушка хмуро пошла следом, склонилась над черным телом явиди и уже виденным однажды жестом погрузила руку в грудь. Змея закричала. Крик быстро перешел в кашель, кровь брызгала из легких, свивался-развивался чешуйчатый хвост, лапы силились отодрать смотрящуюся особенно хрупкой на фоне бьющегося о землю тела нелюди руку девушки.

– Останови ее, – прошу я растерянного пацана.

– Еще чего, – отвечает Веник, левого глаза не видно, все лицо залито кровью.

– Он знает того, кто убил тебя! Кто провел «лишенного»! – кричу я Миле.

Если это ее не остановит, мы проиграем. Все. Хранитель – это не безжалостный защитник и исполнитель. Его воля должна быть сильнее рефлексов, его разум выше обязательств, его наказание – это мера ответственности, потому что смерть – это окончательно и отмотать пленку назад не получится.

Я надеюсь, что она услышала, что она очнулась, а не среагировала на новую угрозу. Бросок был точным. Нож летел быстро и тихо. Я бы умерла, так ничего и не поняв. Метили в горло. Если бы за моей спиной не стоял падальщик, думаю, обошлись бы и без панихиды. Веник молниеносно выбросил руку и перехватил нож в полете в сантиметре от моей шеи, чуть качнув лезвием, задевая кожу. Близко, очень близко. Вместо испуганного крика у меня вышел хрип.

Я знаю, что в нашей тили-мили-трындии никто не даст гарантии, что ты доживешь до следующего утра. Считайте это капризом, но я хочу знать, за что умираю, пусть это ничего и не изменит. Сегодня, когда гробокопатель, повинаясь капризу, буквально поймал смерть, я поняла еще одно. Так уходить я не хочу, внезапно броском из-за куста от неизвестной руки за неизвестно какие прегрешения. Нет.

Хранительница уже стояла на границе зарослей, вглядываясь в листву, явидь харкала кровью. Веник взвесил в руке нож, принаравливаясь к балансу, прислушался и вдруг метнул его обратно. Марик схватился за голову и сел на траву. Сдавленный крик. Вещь вернулась к владельцу. Мила исчезла, чтобы спустя минуту вытащить к нам еще одного пацана, чуть старше сына падальщика. Девушка и рычащий, брыкающийся, упирающийся парень были одного роста и телосложения, но видимых усилий хранительница не прилагала, чем очень бесила подростка. На его боку краснела длинная полоса, края вспоротой клетчатой рубашки окрасились в темно-красный. Гробокопатель не промахнулся, но и, к счастью для всех, не попал.

– Предатель! – заорал Марику тот, кого удерживала Мила, руки с черными ногтями в бессильной злобе царапали тонкие запястья девушки, браслеты вспыхивали и тут же гасли. –

Сука, я убью тебя! – Это уже мне. – Чертова шлюха! – Хранительнице. – Ненавижу! – Это, надо думать, всему коллективу.

Мила встряхнула парня, а когда не помогло, положила руку ему на лоб, браслет сменил цвет с красновато-огненного на желтый, отразившийся в глазах пленника, и тот резко сел на траву, лицо из отчаянно-злобного стало удивленно-сонным.

– Вы здесь все что, ненормальные? – Мила отряхнула руки. – Ты, – она указала на приподнявшуюся, но по-прежнему сплевывающую кровь явись, – не смей трогать учеников. Никогда. Иначе я закрою для тебя *filii de terra*. Ты, – кивок Венику, – первое и последнее предупреждение. Благодарю высших, что ты его едва задел. Ты, – девушка повернулась ко мне, – от злыдня и то меньше неприятностей.

Я кивнула, усаживаясь рядом с Мариком на землю. Критика принимается, хотя меня так и подмывало сказать, что раньше, когда мы спасали ее с Игорем, жалоб не поступало.

– Ты, – она встала напротив плывущего в тумане подростка, – что ты здесь делаешь? Где твои родители? Где Вера?

Парень визгливо рассмеялся.

– Тимур живет в лесу, там, – сидящий рядом парень махнул рукой, – на границе перехода. Я дал ему слово, что не выдам. – Он виновато посмотрел на отца, Веник опустил руку и взъерошил сыну волосы.

– Высшие, почему? Здесь примут любого ребенка. – Мила всплеснула руками знакомым человеческим жестом.

– Не его. – Марик замялся, но потом все же ответил: – Первого «лишенного» привел он. Того, кто убил вас.

Мы замолчали, даже Пашка смогла сдержать клокотание в груди.

– Я привел зверочеловека, – парень хихикнул, прозвучало это настолько нереально, словно на месте Тимура сидел умалишенный или наркоман, добравшийся до дозы, – убить шлюху. Мне мама велела. Я убил. Я послушный.

Я присмотрелась к улыбающемуся подростку. Что-то подсказывало мне, что его называли в честь отца. С матерью я успела свести непродолжительное знакомство. Вера говорила, что отомстит. Мила, знавшая их обоих немного с другой стороны, нахмурилась.

– Зачем это Вере? – Кого бы в своей смерти ни винила девушка, это точно был не этот сидящий на земле пацан.

– Затем, – я вздохнула, – Вера показала тебе своего сына, но не показала его отца, потому что ты бы его узнала. Тимур – брат твоего Игоря по отцу. Ради жизни этого на алтарь должны были положить твоего. А когда не удалось, отомстили.

Хранительница замотала головой.

– Она не помогала вам с Катей, она вела вас к могиле. Вам – смерть, им – дети.

– Отец говорил, мы уедем, – веселье подростка сменилось грустью, – а вместо этого умер. И мама. Эта сука там была. – Ненависть прорвалась сквозь пелену апатии, наброшенную Милой, взгляд светло-ореховых, как у матери, глаз ожег меня злобой. – Я вернулся, а они умерли. Я видел эту... – Он указал на меня рукой, которая тут же бессильно упала. – Эту суку и колдуна. Ничего... я еще... я... – Парень уставился на одиноко торчащий из травы одуванчик и затих.

– Он хотел отомстить? – Я повернулась к Марику. – Этого ты боялся? Не меня, а за меня?

– Да, – мальчишка кивнул, – я не знал всего и помогал ему, еду носил, а потом... – он повесил голову, – стало поздно. Если бы все вскрылось... Я же не знал, он потом рассказал. Меня бы обвинили. Тим – мой друг, я думал, он выделяется, месть и все такое, ну, знаете, как бывает... А он всерьез. – Мальчишка путался, дрожал и очень хотел, чтобы мы поняли.

– А сегодняшний «лишенный», – Мила щелкнула пальцами перед созерцающим растения парнем, – тоже твой?

Откликнуться ей не желали.

– Нет, – закричал Марик и даже привстал, Веник положил ему руку на плечо, – могу на камнях поклясться, мы ничего не знали. Он был со мной, мы хотели поглазеть на посвящение, но Тим увидел вас, – он посмотрел на меня, – и взбесился, твердил, что убьет, я испугался, когда потерял его в толпе.

– Тогда возможно... – начала хранительница.

– Нет! – снова крикнул парень. – Сами подумайте, от голой пяди до трех сосен минут двадцать быстрого бега. Он бы не успел ни вынырнуть, ни вернуться обратно. Да и где бы он зверочеловека достал? Он хотел убить. Ее. Сам. Не Видящего, он его даже не знает. Ну, почему вы не ушли сразу? Я как увидел вас в столовой...

– Низшие, – прохрипела пришедшая в себя явиль, – малой, ты вроде не дурак, почему сразу не сказал? Глядишь, у твоего папаши было бы сейчас одним глазом больше. – Она махнула лапой.

– Я дал Тиму слово. – Голос сорвался на фальцет.

– Похвально, – Пашка встала, – надеюсь, ты не пожалеешь об этом ни через день, ни через год.

– «От голой пяди до трех сосен»? – повторила я задумчиво.

Хранительница вздохнула, а парень сжался.

– Это выход, – пояснил мне падалыщик, – самостоятельный, всеми забытый выход для детей. Заблудиться в трех соснах, да не в любых, а строго определенных, и найтись уже в нашем мире. Даже сейчас, уверен, эта лазейка открыта. Их пожарная лестница на случай беды. Я прав?

Хранительница не ответила, а, прищурившись, спросила:

– Кто еще знает о выходе?

– Я хотел домой! – очнулся Тимур. – Вернулся, а они умерли. Я убежал. Далеко. Бежал, пока не оказался здесь. Опять. – Его плечи мелко затряслись, он засмеялся. – Я ходил домой, а Марк ходил на свидание! С девчонкой! Настоящей! Ха-ха!

У сына Веника покраснели уши и шея.

– Марик? – спросил гробокопатель.

– Я только Таисе показал. Мы на озеро бегали купаться. Один раз. Это было не свидание! – Он обхватил голову руками, так долго сдерживаемые слезы покатились по щекам.

Из дома целителей нас выгнали быстро, на полном серьезе предложив всем желающим подорожник либо в виде повязки, либо в виде настойки. Седовласый целитель огорченно поцокал языком над пустой глазницей Веника и расщедрился на повязку. В Марика влили стопку коньяка и отправили учить уроки. Дети всех стран пустили бы слезы от зависти. Пашка от помощи отказалась сама, замыла водой длинное вязаное платье, радующее теперь всех встречаемых мужчин дизайнерской дырой на груди.

Исключение сделали для Тимура, напоив какой-то гадостью и уложив на койку рядом с Варлаамом Видящим. Последний выглядел плохо.

– Он демон? – удивилась я. – Такие раны должен на раз-два сращивать.

– Должен, – согласился целитель, смешивая в ступке порошки. – На когтях лишнего был яд. Его он тоже должен выводить, но... – мужчина развел руками, – отравы не дает тканям восстанавливаться, а поврежденные ткани не могут нейтрализовать яд. С чем-то одним он бы справился. Противоядия нет, в лаборатории копаются, но пока результатов нет.

– Он умрет?

– Раньше я бы сказал, что нет. Убить демона ядом – это как подавиться костью, глупо и нереально. Но теперь и не знаю. – Целитель задумчиво посмотрел на парня. – Он застыл в момент ранения. Физически ему ни лучше, ни хуже, но с каждой минутой из него выходит жизненная сила.

– Значит, все-таки умрет? – Я покачала головой не в силах поверить.

– Нет. Не совсем. Если истощение приблизится к опасной границе, организм, спасая себя, зауклится. Люди называют это комой. Мы – вечным сном. Демон не умрет, это невозможно, но вернуть его к жизни без противоядия станет невозможно.

– Сколько у него времени?

– Если бы я был оптимистом, то сказал бы, до вечера протянет. – Мужчина подал мне чашку с болеутоляющим напитком. – Но я реалист, пара часов максимум, – целитель задумался, – пока, возможно, я бы попробовал универсальный регенерент, но земля детей закрыта.

– Что за регенерент? – Я принялась к горячему отвару и, зажмурившись, выпила один махом.

– Кровь новорожденного, – ответил целитель, и зелье чуть не вышло обратно.

Больше я вопросов не задавала. Может, и не плохо, что Мила отгородила *filii de terra*, жизнь одному ребенку мы точно сохранили.

Кровь на правом плече падальщика давно засохла, мужчина без раздумий отправил олимпийку в мусорку, оставшись в спортивных штанах и черной майке-борцовке.

– Ты у меня в долгу, чешуйчатая, – многозначительно сказал сосед явиди, когда мы вышли из целительного дома. Та фыркнула.

Искать Таисию Мирную нам, к моему облегчению, запретила хранительница. Пусть сами выясняют, кому она доверила секрет, который при таких темпах скоро перестанет быть таковым.

Устроились мы в прямоугольной беседке, выкрашенной зеленой, в цвет листвы, краской, недалеко от линии полигонов. Здесь было гораздо меньше празднующихся учеников, пиливших на повязку Веника, геройский вид которой портил больничный белый цвет бинтов.

Пустая глазница наверняка болела, как черт знает что, даже несмотря на то, что регенерация у нелюдей в разы превышает человеческую. Я на его повязку без дрожи смотреть не могла, а он вел себя так, будто ему палец дверью прищемили. О том, чтобы сесть на лавку рядом с явидью, чьи коготки прошлись по лицу, в моем мире не могло быть и речи, а в его – пожалуйста. Я не понимала. И завидовала.

– Что делать будем? – спросила змея, когда мы уселись.

– Ничего, – отрезал гробокопатель.

– Присоединяюсь, – одобрила я план соседа.

– Напоминаю, речь идет о ваших детях, – сдвинула брови Пашка.

– Понадобится, Марк к камням правды сходит. Он не виновен, и демону придется это проглотить, – ответил падальщик и добавил: – демонам.

Я дипломатично пожала плечами. О проверке на артефактах не могло быть и речи, но не говорить же об этом вслух.

– Н-да, – протянула девушка, – то, что мы заполучили кровника, тебя не волнует? – повернулась она ко мне. – Тимур сын той парочки, что оправил к Низшим Константин?

– Ага.

– Дети имеют обыкновение взрослеть и умирать.

– Предлагаешь свернуть ему шею прямо сейчас? – огрызнулась я. – Сын вестника твоему целителю не соперник и никогда не будет.

– Оно конечно, но парень тяготеет к ударам из-за угла, что вроде и неплохо, но не в нашем случае... – Змея вскинула голову и резко обернулась на примыкающие к одной из сторон беседки заросли шиповника, вернее, чего-то очень на него похожего, и раздула ноздри.

Гробокопатель скосил единственный глаз, но остался спокоен. Через минуту расслабилась и явидь, кто бы ни проходил мимо, он действительно прошел мимо.

– Костя рассказывал об этой парочке, – задумалась Пашка, – они работали на Седого?

– Не она. Он. – Я повела плечами, спинка деревянной лавки была неудобной, боль напоминала о себе легкими уколами под лопатку. – Они собирались уехать в Южные пределы, к Прекрасному, если не соврали. Твой Костя был частью поданного резюме, – змея фыркнула, – странная пара. То, что мать дала сыну трусики Милы, у меня в голове не укладывается.

Явидь и падалыщик переглянулись.

– Вряд ли это она. Он привел зверя, но трусики принес кто-то другой, иначе земля детей не открылась бы. Все упирается в неизвестного. – Девушка задумалась и тихонько хихикнула: – Теперь я знаю, что Неверу на чертову дюжину подарить.

Веник ничего не сказал, но уголки губ слегка приподнялись. Чего-то в этой жизни пока не понимаю.

Я посмотрела на широкие площадки полигонов, вытянутые вдоль пустующих учебных корпусов. Что мы вообще делаем, когда представился случай провести время с детьми?

– Как получилось, что у тебя есть сын? – спросила Пашка.

– Я думал, ты в курсе, раз обзавелась собственным, – протянул падалыщик. – Но если целитель не просветил, могу продемонстрировать наглядно.

– Да я не об этом, – отмахнулась змея, – хотя... – Она присмотрелась к падалыщику. – Неее, обойдусь. – Мужчина пожал плечами. – Я о том, что никто из наших не знал о нем.

– Знали. Старик, Тём и еще Караха. Остальным необязательно. Чем меньше знают они, тем крепче сплю я.

На лице Пашки отразилось нечто похожее на одобрение, перешедшее в глубокую задумчивость то ли о будущем Невера, то ли об умственных способностях гробокопателя.

– Марик был первым, кого я увидела в *filii de terra*, – я повернулась к Венику, – уже тогда мне удалось его напугать.

– Напугал его я, – ответил мужчина. – Знал, куда тебя понесет, раньше, чем ты вышла из Юкова. Он должен был дать знать, если здесь появится девушка с торчащими во все стороны волосами. – Веник закинул руку за голову и взъерошил свои короткие и русые. – Марк впервые пользовался самостоятельным выходом. Нарушения правил даются ему с трудом.

Мы замолчали, прокручивая в голове каждый свои мысли. Хорошего в них было мало-вато.

– Ты должна нам больше, чем просто деньги, – словно прочитал мои мысли падалыщик, словно вместе со мной вспомнил, как вынес меня с того перехода, и все это без всякой злости, констатация факта с легким недовольством, – но хватит и их.

– Намеренное нарушение устава *filii de terra*, – появившаяся Мила дала понять, что разговор или часть его она слышала, – подстрекательство несовершеннолетнего к нарушению...

– Он теперь на платном, – отмахнулся от нее Веник.

У нее вырвался тяжкий вздох. Времена и миры меняются, а презренный металл остается. Никто не позволит отчислить ученика, который платит деньги. Не имею ничего против, обучение Алисы не стоит мне ни копейки, это прерогатива Кирилла, пусть сумма и значительная, по миру она меня не пустит.

– Нашли девчонку? – спросила Пашка.

– Адаш занимается, – кивнула хранительница и, повернувшись ко мне, спросила: – Мой Тимур мертв?

– Да. – Других вариантов ответа у меня не было.

– И полагаю, умер он не от старости? – Голос дрогнул, она отвернулась и глухо добавила: – Нет, пожалуй, я не хочу знать. Хватит и самого факта. Черт! – Она зажмурилась.

Для нее вестник навсегда останется отцом ее ребенка. Мужчиной, которого она любила и который хоть недолго, но любил ее. Неважно, притворялся или нет, неважно, что произошло потом, у людей, в отличие от нечисти, есть свойство все прощать мертвым.

В беседку вбежал Адаш. Один.

– Где Таисия? – Браслеты хранительницы полыхнули огнем.

– Последний раз ее видели полчаса назад на выходе из корпуса. С тех пор не могут найти, – отчитался злыдень.

– Отсюда никто не исчезает, – рывкнула она, – опросите друзей, подруг, живо!

Вспоминая впоследствии события в *filii de terra*, я обозначила этот момент как переходный. Последние минуты спокойствия, когда я еще надеялась отсидеться в стороне. Все, что происходило потом, напоминало ураган, который никто из нас не мог контролировать. События сменяли друг друга так быстро, что мы не успевали их даже осознать, не то что обдумать. Наверное, на то и был расчет.

– Опросили, – скривился лишаящий удачи, – по их словам, Таисия пошла к своему парню.

– А парень – это... – наклонила голову Мила.

– Вадим Видящий, – сомневаясь в сказанном, ответил Адаш, – даже удивительно, учитывая их прошлое.

– Интересная девчонка. Встречается сначала с Мариком, потом с демоном, – удивилась змея.

– Более чем интересная, – покачала головой Мила, – старше Марка на пару лет. Одного свидания хватило, чтобы вытянуть из парня секрет и потом переключиться на Видящего. Уверяю, гораздо больше подходившего племяннице Прекрасного демона, нежели сыну заложника.

Я посмотрела на Пашку. Второй раз за десять минут в этой беседке звучит имя хозяина, вернее, хозяйки Южных пределов, потому что правит там Прекрасная. Совпадение? Слухи о том, что южане готовы попробовать на вкус наши стежки, ходили давно, но так и оставались слухами.

– Окружение у нее соответствующее, – вставил Адаш. – Одна из близких подруг – Алисия Седая, к счастью, гадать о ее местонахождении не приходится.

– Проверь, нашла ли Джульетта своего Ромео, – распорядилась хранительница.

– Уже. – Злыдень покачал головой. – Еще я отправил двоих стажеров к трем соснам на случай, если девушка захочет нас покинуть.

– Если не сделала этого ранее, – пробормотала Пашка.

Молодой парень в темных брюках и светлой рубашке, по виду чуть старше учеников, стремительно вошел в беседку и с ходу отчитался:

– Вадим Видящий исчез.

– Высшие! Надеюсь, эти малолетние влюбленные не сбежали в Дивное городище, чтобы пожениться и умереть в один день. – Хранительница выругалась и исчезла.

– Никогда не заведу детей, – процедил сквозь зубы злыдень, направляясь вместе с молодым человеком к выходу из беседки.

– Пойдите, – я кинулась следом, зацепилась ногой за ногу, точно упала бы, если бы Адаш со вздохом не поддержал меня за руку, – с Алисой все в порядке?

Лишаящий удачи перевел взгляд на подчиненного, и тот тут же отчитался:

– Алисия Седая по-прежнему находится на третьем полигоне, с ней наставник ...

Парня прервало громкое, уходящее в небо шипение. С таким звуком выходит воздух из воздушного шарика, если усилить его раз в пять. Над крышами учебных корпусов поднялся столб белого дыма, напоминающий след от самолета, оставленный в голубом небе. Белый дым – это сигнал бедствия в нашей тили-мили-тряндии. Неважно, магический или настоящий. Важно то, что, когда нечисть зовет на помощь, дело обычно плохо, и в большинстве случаев спасти уже некого.

Вопросов никто не задавал. В любом другом месте три раза подумали бы, прежде чем кидаться на выручку, но не здесь, не в *filii de terra*.

Меня опередили – Пашка, Веник, Адаш и даже безымянный молодой человек. К покинутому менее часа назад дому целителей я выбежала последней. Со всех сторон слышались голоса, на помощь спешили все, кто видел сигнальное заклинание, след от которого еще не полностью развеялся над двускатной крышей.

Раскрытая настежь деревянная дверь. Мягкие кожаные туфли явиди, сбросившей маскировку, валялись в прихожей. Из дома слышались ругань, рычание и возня. В целительском зале на первый взгляд все было не так плохо. Злыдень, змея и седовласый целитель прижимали к полу Вадима Видящего. Пашка и Адаш действовали грубой силой, целитель – странной сеткой заклинания, похожей на поблескивающую в солнечных лучах паутину, которую молодой демон вот-вот порвет.

Веник предпочитал наблюдать со стороны и, в отличие от молодого парня, не знающего, с какой стороны подступиться к видящему, совершенно не рвался в бой. На лице с белой повязкой легко читалось недоумение.

Мила соткалась рядом со сдернувшим часть паутины Видящим и, прежде чем он отшвырнул явидь, дотронулась до лба раскрытой ладонью, переливая желтый свет браслетов в глаза обмякшему парню.

Снаружи звучали голоса, но войти в дом так никто и не решился. Нечисть не нуждалась в объяснениях очевидного. Хранительница на месте, ситуация под контролем, остальные свободны, хотя наверняка кто-то остался, любопытством страдают не только люди.

Пашка заковыристо выругалась. Ее поддержал Адаш. И я, наконец, поняла, куда все смотрят, к чьей кровати идут Мила с целителем. Вопреки ожиданиям, младший Видящий был все так же ни жив и ни мертв, в установившейся тишине отчетливо слышалось его хлюпающее дыхание, а вот его соседу не повезло. Тимур смотрел на мир широко открытыми глазами, но уже ничего не видел. Ему свернули шею, обойдясь без крови. Возможно, в самый последний момент сын вестника проснулся и открыл глаза, но я надеюсь, что нет. Если бы Пашка все это время не была рядом, я бы знала, кто воплотил в жизнь брошенное сторяча предложение.

Взгляды скрестились на понуро сидящем на полу парне. Обвинение Видящего грозит теми же последствиями, что и обвинения Алисы, за свои слова придется отвечать перед демонами, и за последствия тоже.

Целитель зажал нос Вадиму и влил густой травяной напиток в рот, стакан треснул, и остатки зелья брызнули на пол, на руки целителю и грудь не обратившему на это внимания демону. Адаш удостоился пары недовольных взглядов, но с места не сдвинулся. Прошло минуты три полной тишины, прежде чем Видящий поднял голову, взгляд светло-голубых глаз был более чем осмысленным. Дело не только в напитке, кровь демона – это не алая вода вестника, которого Мила припечатала тем же заклинанием.

Парень попытался встать, лицо покраснело от усилий, как это бывает с рыжими, но тело не откликнулось.

– Блокиратор силы, – процедил подросток сквозь зубы, – это ненадолго.

– Значит, поторопимся, – кивнул лишающий удачи. – Зачем парня убил?

– Не зачем, – Вадим сплюнул на пол, – я не убивал. Что за радость свернуть шею слабому и спящему?

– Матвей? – повернулась к целителю Мила.

– Я был в кабинете, – целитель указал на дверной проем в противоположной стене, – этого услышал не сразу, но уж как почуял – сразу сюда. К этому времени один мертв, второй к двери пятится. Я сразу сеть кинул и сигнал послал, благо этот дверь не закрыл.

Я хмыкнула. На месте целителя стоило задаться вопросом, а на фига ты вообще связался с демоном? Ловить того, кто может легко убить тебя, и надеяться на мифическую помощь, глупо. Куда бы он с земли детей делся? А если бы и делся, не того размера фигура, чтобы

прятаться. И не той значимости, чтобы его вину не замаяли, если бы захотели. Да и Видящий хорош, ударился в панику, мог спокойно сесть вон в то кресло и рассмеяться нам в лицо.

– То есть, как убивал, вы не видели? – уточнил злыдень.

Я прищурилась. Когда речь шла об Алисе, хватило одного допущения и возможности, а тут такая лояльность, удивительно.

– Ты чего вообще в бега ударился? – спросила Мила у парня.

– Брат умирает, а вы меня заперли. – Вадим снова сплюнул, слюна была зеленой. – Я должен был его увидеть. Кто ж знал, что тут уже один мертвяк имеется. Этот даже спрашивать ничего не стал, – он посмотрел на седовласого, – кинулся, как гарха.

Видящий напряг мышцы, в этот раз вышло лучше, по крайней мере, он смог качнуться и сжать пальцы в кулаки.

– Пройдись по следам, – приказал молодому помощнику Адаш, и тот послушно скрылся за дверями.

– Где Таисия Мирная? – спросила Мила.

– Не знаю, – парень шевельнул сначала одной ногой, потом второй, – я Тайку с утра не видел.

– Давай вернемся к сегодняшнему утру, – предложил лишающий удачи.

– Правила не запрещают ходить на свидания, – буркнул Вадим.

– Не запрещают, – согласился Адаш. – Куда водил девушку?

– Что?

– На свидание? Целоваться за полигоны? К большому дубу? В столовую на завтрак при свечах?

– Я... – Парень заозирался, но поддержки в окружающих не нашел.

Я достала телефон, шкала связи ожидаемо была на нуле, но посмотреть снимки мне это не мешало.

Замершее, покрытое тонким слоем наледи лицо, крупные черты: нос картошкой, мясистые губы, глаза навывкате, голова побрита налысо. Высокий, с едва наметившимся брюшком. По тому, в каком положении замерли мышцы, видно, как мало осталось в лишенном человеческого – одна оболочка. Но было в этой оболочке что-то знакомое, смутное ощущение, ничего определенного, может, он мне кого-то напомнил, а может, подсознание играло со мной злую шутку.

– Не на озеро? – спросила Мила. – И романтика, и девушка в купальнике?

На лице парня проступило нечто похожее на облегчение.

– Вы знаете, – Вадим оперся о стенку, – только не я ее, она меня водила. Я об этих соснах знать не знал.

– Во сколько ушли? Когда вернулись? – напрягся злыдень.

– Ушли в семь, вернулись в полдевятого – в девять. Давайте вы быстренько мораль прочтете и отпустите, нарушение устава и тому подобное, – попросил бледный подросток.

– Вернулись вместе или по одиночке? – продолжал спрашивать Адаш.

– Разными стежками прошли, Тая сказала, чтобы не спалили. – Видящий сжимал и разжимал кисти рук, прерывисто и влажно дышал его младший брат.

Явидь обошла всю палату. Веник делал вид, что его ничего не касается, устроившись на пустой кровати. Мужчина смотрел в стену, я даже обернулась, но ничего интересного на оной не обнаружила, мысли падальщика были далеко.

Я вернулась к фотографиям. Похитить человека несложно, как и стереть память, как и убить разум, погасить сознание. Бесы проделывают такое походя и даже не оглядываются. Дальше интереснее. Лишенный разума человек не станет отслеживать кого бы то ни было и нападать, его удел – лежать овощем и пускать слюни. Значит, нужную модель поведения записали, вложили в опустевшую голову. Работа для виртуозного психаря. Изменения разума

дополняют изменениями тела, развитие обоняния, укрепление мышц, изменение связок, приращение лапы вместо правой руки, синтез яда, не дающего регенерировать даже демону. Работа целителя с рангом не меньше черного или несуществующего.

Оружие готово. Знать бы еще, кому его вручили.

Бес, психарь, целитель. Свита хозяина предела. Любого хозяина, любого предела.

– То есть каждый сам за себя. Ни ты, ни она не поручитесь, что другой не привел лишнего в *filii de terra*, – резюмировала хранительница.

Момент, когда смысл сказанного дошел до Вадима, уловили все. Искра понимания отразилась в голубых глазах, чтобы тут же смениться гневом, от которого, казалось, загорелась каждая веснушка.

– Вы думаете, что не Алиска, а я или Тайка провели сюда этого уroda с лапой? – Он угрожающе шагнул вперед, но не удержал равновесия и уцепился за спинку стула, эффект оказался смазан. – Следи за словами, охраняющая. Он мой брат.

– Пафос оставь для отца, – отмахнулся лишаящий удачи. – Варлаам ведь его любимчик? Его забирают домой на каждые выходные, а тебя лишь по большим праздникам. Предпочтения хозяина Западных пределов очевидны. Ты объявлен наследником, средний принесен в жертву роду, но остался еще и младший.

– Точно. Не все же столь продвинуты, чтобы наследника на алтарь класть. Отец консервативен, – усмешка парня вышла горькой, – Васька сейчас пирует с низшими, ему всяко лучше, чем здесь. – Он отвернулся. – Порадуйте отца, ему ваши сказки очень понравятся. – Слова не вязались с закушенной до крови губой и напряженным лицом.

– Ну, хорошо, а если это Таисия? – Мила обернулась к злыдню.

– Еще глупее. Ей-то зачем? – без особого усердия возразил Видящий.

– Тебе хозяйский трон гарантировала, – влезла Пашка, – на место хозяйки Западных пределов метит.

Вадим засмеялся, стул качнулся.

– Ага, уже и свадебное платье купила. – Он вытер глаза. – Пусть так. Но никто не позволит Видящему взять на алтаре отпрыска Прекрасных. Ищите причину получше.

– Изволь, – Адаш сделал вид, что задумался, – месть подойдет?

– Кому?

– Тебе, брату, всем Видящим. Что она видела от вас еще пару лет назад? Насмешки, пинки и презрение.

– Да ну, – отмахнулся подросток, но как-то неуверенно, – мы мелкими были.

– Ты ей вместо зубной пасты, как все остальные, пентаграмму на затылке клеим нарисовал. Несмыслаемым. Ее налысо побрили. А теперь у вас любовь до гроба? – В глазах злыдня плескалась злость.

– Почему нет? – пожал плечами Вадим. – Волосы же отрасли.

Стукнула дверь. В целительский дом вернулся отправленный по следам молодой человек. Я убрала телефон и наострила уши.

– Шел, не скрываясь, – кивнул парень в темных брюках на Вадима, – с полигона сразу сюда.

– От кого мне скрываться? – скривился подросток. – От тебя что ли?

– Здесь была и девчонка, – не отреагировал на подначку вчерашний студент, – Таисия Мирная.

– Свидание, – протянула Пашка, – у постели умирающего братишки, а говорят, романтиков не осталось.

– Девушка дошла до сюда, – указал на порог, – и закрылась.

– Пусть так, – Видящий повел плечами, разминая спину, – я-то тут причем?

– Неужели не почувствовал любимую? – Змея была иронична.

– Я не охотник и не пес, чтобы каждый угол обнюхивать. – Подросток огляделся, оперся рукой об пол и рывком поднялся, неуклюже взмахнул руками, но устоял.

Закрытие – способность, присущая тем, в ком течет кровь демона. Примитивную способность закрываться, можно сравнить, например, с талантом «шевелить ушами»: либо есть, либо нет. Чем больше в тебе демонской крови, тем больше вероятность. Прямые наследники умеют закрываться все, более дальние родственники, изрядно разбавившие кровь, через одного.

Все оставляют следы, видимые и невидимые: запах, сломанные ветки, примятая трава, отпечатки ног на земле, рук на стене, двери, окне. Нечисть, обладающая развитым обонянием, слухом и зрением, способна взять любой след. Если он оставлен, значит, оставлен. В нашей тили-мили-тряндии есть создания, которые могут стать невидимыми для следопыта. Бесы и демоны. У первых нет тела, и нечем оставлять следы. Демоны же могут закрываться, создавать вокруг себя некую область, пространство, запирающее в себя звуки, запахи и отпечатки. Закрытого можно увидеть, он не становится невидимым. Можно закрыть глаза и наткнуться на него, он не становится неосязаемым. Но нельзя услышать – ни шагов, ни биения сердца, нельзя учуять – ни запаха тела, ни волос, ни дыхания. Пространство вокруг него не изменяется и не сохраняет следов его присутствия. Пойти по его следу невозможно. Но и отменить оставленные до закрытия следы демон не в силах, лишь убрать заклинанием. Но магия, как музыка, будь готов, что её могут услышать, в то время как «шевелить ушами» ты можешь совершенно бесшумно.

Все время находиться в закрытии не вариант, попробуйте час «шевелить ушами», уверю, головная боль и усталость вам обеспечены.

Если Таисия закрылась и свернула шею сыну вестника, становится ясно, почему ее не услышал и не почувствовал целитель, в отличие от пришедшего в открытую Видящего. Настораживает не сам факт закрытия, а его несвоевременность. Если она шла убивать, озабочилась бы этим раньше, а не в последний момент. Или все вышло спонтанно? Осталось понять сущую безделицу: почему и зачем ей это вообще понадобилось.

– Где она? – Мила встала напротив подростка. – И не говори, что не знаешь, потому что Видящему я просто не поверю.

Есть магия, которая доступна всем демонам, собственно, она вся им доступна, а есть и такая, которой владеет один род. Видящие буквально могут видеть глазами тех, с кем соприкасались. Чем свежее и крепче контакт, годится как рукопожатие, так и секс, тем ярче и четче картинка.

– Придется, – с нескрываемым удовольствием хмыкнул парень, – вы сами заблокировали мои способности.

Мы вышли на улицу. Веник был по-прежнему молчалив, несколько раз рассеяно потрогал повязку, к которой еще не привык. Пашка ругалась, целитель предложил ей глотнуть из обтянутой кожей фляжки, после этого ей вроде полегчало. Молодой подручный Адаша, спросив разрешения, тут же удалился. Мила осталась с Видящими во избежание, так сказать, парней следовало сдать отцу в целости.

На нас смотрели. Мы вызвали смешанные чувства раздражения и любопытства. Компания учеников чуть младше того же Вадима устроилась в тени напротив крыльца. Несколько родителей, вдруг восплаивших любовью к архитектуре в общем и дому целителей в частности, бродило вокруг с умными лицами. Были такие, кто не притворялся, а спокойно уселся напротив распахнутых окон и внимал допросу демона. Чем не развлечение?

В этот момент в *filii de terra* постучали. Раздался не стук, а СТУК, от которого дрогнули земля и небо. Я почувствовала себя пуговицей в шкатулке, которую сильно встряхнули, а именно столкнулась со злыднем, больно ударилась и упала на траву. Сбоку слышались возобновившиеся ругательства явиди. На ногах остался один падальщик.

Дети с визгом бросились врассыпную, причем, половина, по-моему, кричала от восторга, а не от страха. Тряхнуло еще раз. Я вопреки всякой логике уцепилась за траву, словно один из толчков мог стряхнуть меня, да и всех остальных, с этого острова.

Первым пришел в себя седовласый. От дрожи земли перекосило оконную раму в доме целителей, во все стороны брызнуло стекло. Мужчина поднялся на ноги и резво взбежал по шатающемуся крыльцу. Я успела встать, когда в дверях показался Вадим, ноги держали его еще плохо, парень вцепился в перила, где и застал его очередной стук. Мир снова потрянуло. В доме с грохотом что-то упало. Доски под пальцами парня разъехались в разные стороны, как гнилые зубы, перекладыны встопорщились и завалились на бок. Вадим полетел следом без единого звука.

– Невер, – простонала где-то за спиной Пашка.

– Алиса, – прошептала я, и тут же мысленно одернула себя. В отличие от Видящего, ее силу не блокировали, от обычного землетрясения Легенда зимы уйдет. Надеюсь. Размышления не мешали мне прикидывать наиболее короткий путь к третьему полигону.

С крыльца, вернее, с того, что от него осталось, прыгнула хранительница. Браслеты горели так ярко, как никогда на моей памяти. Она задрала голову к голубому безмятежному небу и громко в облака крикнула:

– Довольно! Я услышала вас.

Следом за ней с осторожной неторопливостью показался целитель, на его руках изломанной куклой лежал Варлаам Видящий. К нему на помощь тут же кинулся злыдень и успевший принять вертикальное положение Вадим. Что-то у них там не получилось, и раненый боком упал на траву. Дыхание прервалось.

– Пошел прочь, – закричал на Адаша подросток, – от тебя одни беды. – Его голос сорвался на фальцет, он толкнул злыдня в корпус. Но парню не повезло, перестарался и сам же упал на брата, который разразился серией хрипов, сменившихся тишиной.

Лишающий удачи пожал плечами и отошел, вызывая невольное уважение. Он не прятался, не боялся и вместе с тем держал свою силу под контролем настолько, насколько это вообще возможно. Окружающие отделялись легким испугом. Не беды – так, их легкий отголосок. Стоит ему в сердцах пожелать тому же Видящему, например, «да провались ты со своим братом», и провалятся ведь.

– Не похоже это на самое безопасное место, – протянула змея, приподнимаясь на хвосте.

– Именно так, – резко обернулась Мила. – Иначе они уже вломились бы сюда, а не стучали, прося прохода.

– Кого черти принесли? – нахмурился целитель. – Кто, во имя высших, так стучит?

– Отец, – выкрикнул Вадим, – быстрее, мой брат умирает. Будь это я, было бы легче, но Варлаама он вам не простит.

– Демоны, – подтвердила хранительница, – они могут стучать, но не могут войти.

Девушка задрала голову. Жест отдавал странной неправильностью, когда ищут демонов, смотря обычно не туда.

– Прошу. – Браслеты полыхнули.

Магия охраняющей хлынула в воздух. Земля детей появилась в мире, налились силой уводящие в неизвестность переходы, ожили стежки, и остров безопасности вернулся и был готов в любую минуту укрыть тех, кому грозит опасность.

Они вышли из-за учебных корпусов. Двое мужчин: один высокий, другой среднего роста, один нарочито мускулистый, второй худощавый, особенно на фоне спутника. Один в костюме, другой в брюках и пуловере. Один красноволосый, другой седой до белизны. Видящий и Седой. Хищники вышли на улицы – мышам самое время забиться в норы.

Никто не задумался, что они здесь делают? С чего поспешили на землю детей? Сколько бы шпионов у них ни было, магия *filii de terra* едина для всех. Никто не мог ни войти, ни выйти,

ни передать послание, ни позвонить. Земля детей была закрыта. И, тем не менее, они были здесь.

Видящий выделил главное – своих сыновей, дрожащего от злости Вадима и Варлаама, похожего на добычу хищника, которую тот не додрал. Раны младшего кровоточили, а дыхание взяло очередной перерыв. Старший застыл над ним скорбным памятником. Хозяин Западных пределов не стал тратить время ни на выяснение подробностей, ни на разговоры, присел рядом, не боясь испортить костюм, ухватил Вадима за руку и деловито одним движением вспорол тому запястье ногтем большого пальца. В открытые раны неподвижного мальчишки полилась густая темная кровь Вадима.

– Концентрируй силу, – скомандовал демон, – и тогда твой брат продержится еще несколько минут. Таким слабым он не был даже в момент рождения.

Вадим зажмурился, а когда открыл глаза, радужку заволочло белесой пеленой. Я такую видела у старой собаки, ослепшей от катаракты.

Все стояли и смотрели: и Мила, и Адаш, и седовласый Матвей, и Веник, и те, кто после землетрясения разбежался в разные стороны, и даже я. Мы были беспомощны. Бессильны были и демоны. Все на поляне пред целительским домом знали это.

– Что с противоядием? – спросил огневолосый.

– Его нет, – ответила хранительница.

Если бы дело происходило не в *filii de terra*, мы были бы уже мертвы за одно то, что не могли помочь.

Видящий ничего не сказал, всматриваясь в лицо замершего на кромке смерти сына. На лбу и вокруг губ мужчины залегли складки.

– Возможно, я могу помочь. – От ледяного голоса я вздрогнула.

– Что предлагаешь, Кир?

– Универсальный регенерент.

– Кровь новорожденного, – видящий закрыл глаза, – не успеем. Будь у меня хотя бы час, и кровь сотни детей была бы здесь вместе с упаковкой.

– Думаю, хватит и одного. – Седой повернулся к нам и скомандовал: – Павла!

– Хозяин. – От ее подвывания у меня в животе похолодело, а может, от того, что я поняла, что они намерены сделать, в *filii de terra* имелся один новорожденный. – Я прошу... я умоляю. – Хвост сжался, вся змея стала какой-то маленькой и жалкой.

– Проси чего хочешь, – бросил Видящий, – любое желание.

– Своих слуг, Виктор, я караю и награждаю сам, – отрезал Кирилл. – Бегом, Павла! Или я сделаю это сам!

– Ни один ребенок в *filii de terra* не пострадает, – сделала решительный шаг вперед хранительница.

– Скажи об этом ему, – рыкнул огневолосый.

Пелена в глазах Вадима потускнела, они вернулись к цвету голубого неба.

– Слабак, – равнодушно высказался Виктор и оттолкнул руку сына.

Оправдываться недавней блокировкой силы не стал. Судя по всему, Видящий был из тех, кому нужен результат, а не слова. Мужчина отогнул манжету и прошёлся когтями по своему запястью, глаза заволочло пеленой, поток крови возобновился.

– Пятнадцать минут, – сказал демон, – больше он не выдержит, тело уже начало окупливаться.

– Павла! Выполнять! – повторил приказ Седой.

– Как прикажете, повелитель, – глухо ответила явидь и, развернувшись на хвосте, поползла прочь.

Вряд ли кто обратил внимание на мое отсутствие, но, даже будь это не так, меня бы это не остановило.

Я побежала следом. Змея передвигалась через силу, отчаянными рывками, заставляя себя преодолеть метр за метром. Каждое движение отражалось болью на лице, движение, сокращающее жизнь сына. Но она шла, и конец пути этого был близок. Когда поляна скрылась за деревьями, а впереди замаячил низкий домик яслей, где еще утром мы оставили змееныша, я повисла у Пашки на шее и торопливо зашептала:

– Земля детей открыта. Берем Невера и уходим.

На одно безумное, наполненное надеждой мгновение, мне показалось, что она согласится, а в следующее явидь легко повела плечами, сбрасывая с себя мои руки. Без силы и злобы, просто мимоходом. Есть множество вещей в нашей тили-мили-трындии, которые я никогда не пойму: когда от тебя требуют убить своего ребенка, чтобы жил другой, и ты выполняешь приказ. Хотя у людей, если вспомнить библию, не лучше.

Через три минуты Пашка стояла перед дверьми, выкрашенными ярко-желтой веселенькой краской. Дети, игравшие здесь на площадке несколькими часами ранее, попрятались. Я смотрела в ее напряженную спину и, видя, что она медлит, мысленно взмолилась ко всем, кто мог услышать: Святым, Высшим и Низшим, к давно ушедшим и к тем, кого никогда не существовало. Но они не услышали. Плечи явиди поникли, она перестала бороться даже с собой.

Нож привычной тяжестью лег в ладонь. Пронзило острое чувство сожаления, что это не серебро. Уши явиди шевельнулись, кончик хвоста свился в колечко. Ни мысли, ни действия не остались незамеченными.

Змея рывком втянула тело в дверной проем, когда я еще только ступила на первую, сломанную мною же ступеньку крыльца.

Время Видящего замерло, в любую секунду любая соломинка могла склонить чашу весов в ту или другую сторону. Время Невера неслось вскачь прямо к обрыву.

У Видящего осталось минут десять, и ей следовало поторопиться... или притормозить.

Но нас опередили. Когда я вошла в комнату, явидь, замерев посреди комнаты с детскими кроватками, глухо рычала. Не на меня. Чем я и не преминула воспользоваться, приставив нож к шее. Чешуя была холодной: ни пульса, ни тепла, кожа напоминала камень.

Пашка даже не заметила этого, потому как Невер больше не спал в кроватке, а лежал на руках у незнакомца и, судя по звукам, очень радовался этому обстоятельству. Молодой парень высокого роста, крепкого телосложения. Длинные русые волосы, перехваченные у основания шеи резинкой, спускались чуть ниже плеч. Он был постарше Вадима, лет шестнадцать–семнадцать, наверняка завтрашний выпускник. Что такому делать в яслях, тем более, с Невером на руках?

Пашка задрожала. Логике ее поведение не поддавалось. Учитывая то, зачем она пришла, зачем ее послали, желание защищать змееныша выглядело не месту. Тем не менее, она была готова броситься на незнакомца и разорвать его на тысячу частей за одно прикосновение к сыну.

Хранительница, верная своему предназначению, появилась между ними.

– Нет. – Мила подняла ладонь, останавливая явидь.

Парень рассмеялся и поднял голову. Пашка подавилась рычанием. На нас смотрел цельтель. Лет на двадцать пять моложе, с чуть более длинными волосами и узким подбородком, придающим ему лукавый вид, но один в один зелеными глазами, в которых плясали золотые искорки любопытства, у Константина они давно уже сменились презрением.

– Мне он нравится, – незнакомец легонько подкинул змееныша на руке, и тот весело булькнул, – я Мартын. Представляете, он назвал меня Мартын. Братишке повезло больше.

– Отдай, – рыкнула Пашка, двинувшись вперед.

Я ударила в спину. Этот мир быстро отучает от рыцарских поступков и примиряет с необходимостью бить из-за угла, особенно когда ты слаб. Нож звякнул о чешую, как о железную кольчугу, никто, кроме меня, не обратил на это внимания, сталь спасовала против чешуи с разгромным счетом. Я же так и осталась стоять с лезвием в руках.

Восемь минут, и кровь станет бесполезна. Из вечного сна Видящего выведет только противоядие. Поэтому они и торопились, пока был шанс, пока он не заснул.

Навстречу явиди, зеркально повторяя ее движение, шагнула Мила и повторила:

– Нет.

– Можно подождать, – предложила я, – парень уснет, не будет смысла калечить Невера. Мы просто не успеем, пусть ищут противоядие. Семь минут, Пашка, и все.

Мартын перекинул змееныша с одной руки на другую, к вящему восторгу последнего и показал мне большой палец.

– Хороший план, но в этом нет нужды, – жизнерадостно заявил он, убирая свободную руку за спину, чтобы достать оттуда обычную пластиковую пол-литровую бутылку из-под лимонада. Вместо сладкого напитка в ней масляно бултыхалась красная жидкость. Кровь.

– Регенерент. Отец передал. Еще теплая.

Опять это странное чувство опережения, будто не мы управляли событиями, а они нами. Мила нахмурилась. Явидь вытянула дрогнувшие лапы, но сын целителя играючи отдернул свою.

– С одним условием. Когда сие уважаемое заведение даст мне пинка под ... пардон, путевку в жизнь и я вернусь к отцу, вы, – он указал на змею, жидкость в бутылке мягко плеснулась, – выгоните меня из дома, как злая мачеха! Отцу наврем, что я к вам грязно и гнусно приставал. – Мартын состроил жалобную физиономию. – Я хочу посмотреть мир, а не тухнуть в Юково,

Пашка как-то разом обмякла, чешуя стала бледнеть, и скоро в комнате стояла изящная босоногая девушка, которая была ниже пасынка на целую голову.

– Выгонять из дома детей как раз в традициях моего рода. Так что с удовольствием!

– Взаимно.

Бутылка оказалась у девушки. Пять минут.

Пашка повернулась, попросив меня:

– Собери, пожалуйста, Невера. Не хочу здесь оставаться. – И быстрым шагом покинула ясли.

Словно и не было в моих руках ножа, словно не я минуту назад пробовала на прочность ее чешую.

Мила шумно выдохнула и пообещала:

– Я закрою *fili de terra* для хищников. Никаких зверей даже в качестве домашних любимцев и лишенных в качестве оружия.

– Поздновато, – не удержалась от укора я, – это надо было сделать сразу.

Хранительница закрыла глаза, прижав руки к груди неловким движением, будто шрамы до сих пор причиняли ей боль. Хотя почему «будто»?

– Она знает это, – Мартын положил Невера обратно, – *Fili de terra* наказывает ее болью. И предупреждает: желания человека Милы не должны стоять выше безопасности детей.

– Я хотела поймать того, кто поступил со мной так! – Она закрыла лицо руками. – Поэтому и оставила возможность прохода для лишенного, он должен был вывести на убийцу.

– Ошибешься еще раз, и раны откроются. Сожалею, – пояснил молодой человек.

Хранительница опустила руки и, вымученно улыбнувшись, растаяла в воздухе.

Парень чуть задержался в дверях.

– Отец велел еще кое-что передать, – веселость слетела с лица, и он стал еще больше походить на Константина, – не возвращайтесь. Понятно?

– Но?

– Я не знаю подробностей. Не дорос. Просто повторяю, – он вернул безмятежную улыбку, – как попугай. Что с такого возьмешь? – Кинул последний взгляд через плечо на Невера и вышел на улицу.

Время вышло.

Змееныш был тяжелым, но маленьким, моих скромных человеческих способностей хватало, чтобы нести его в рюкзаке. В отличие от явиди я прикрепила его на живот, а не на спину. Это был долгий день, и заканчивать его в *filii de terra* я не имела ни малейшего желания. Я зашагала по дорожке в сторону полигонов. Было у меня там одно важное дело. На этот раз я хотела сказать дочери до свидания. Ну, и, может, немножко потрепать за ухо. А может, и не немножко.

Я дошла до забора с накинутаой маскировочной сетью и уже примерялась, как бы половчее перелезть, когда меня окликнули.

– Мам. – Гибкая фигурка перескочила через ограждение.

Алиска подошла ближе, украдкой посмотрела на змееныша и вздохнула. В последний раз я столько вины в глазах видела, когда, открывая банку с какао, она немного не рассчитала силу и рассыпала порошок по всем горизонтальным поверхностям в комнате: кровати, письменному столу, кошке, ее лежанке, свежесглаженному белью. Зачем понадобилось тащить какао в комнату, моя дочь объяснить не могла, но со всем своим рвением кинулась исправлять ситуацию до прихода родителей, втирая коричневый порошок мокрой тряпкой в подушки, простыни, книги, кошку. Помню, я ругалась, а Кирилл смеялся. Святые, как он смеялся. Это воспоминание одно из тех, что будут согревать меня до конца жизни.

Алиса почесала Невера под подбородком, тот разок шикнул, для приличия махнул хвостом, а потом довольно прищурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.